ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 46 (3391) Суббота, 16 апреля 1955 г. Цена 40 коп.

ПО ПРИЗЫВУ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА

РЕПОРТАЖ

В красный уголок цеха комбайнов «Ростсельмаша» со всех цехов и отделов завода собрались коммунисты и беспартийные — рабочие, мастера, техники, инженеры. Здесь люди разных поколений — и те, кто четверть века назад закладывал фундамент первого цеха, и молодые рабочие. За свою историю завод не раз помогал селу кадрами. В 1929 году более пятидесяти рабочих «Ростсельмаша» добровольно уехали в станицы, хутора и аулы Северного Кавказа двадцатипятитысячниками. Позже, в 1933 году, многие ростсельмашевцы, работая в политотделах МТС, помогали колхозникам поднимать на ноги общественное хозяйство.

Эта связь рабочих «Ростсельмаша» с селом стала традицией, которая, как эстафета, передается от поколения к поколению. В ответ на решение сентябрьского Пленума ЦК КПСС коллектив завода направил в МТС и совхозы более ста инженеров, техников, трактористов и других специалистов. Более пятисот молодых рабочих «Ростсельмаша» уехали на освоение целинных и залежных земель Казахстана и Алтая.

И сегодняшнее собрание заводского актива обсуждает вопрос, который близок сердцу, волнует каждого советского патриота. Внимательно слушают собравшиеся Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР. То и дело слышу перешептывание соседей:

— Теперь дело в колхозах пойдет еще лучше.

— Поможем. Это наше родное дело.

Чтение Обращения закончено. В зале сразу же поднялось несколько рук.

— Призыв партии и правительства к работникам социалистической промышленности помочь опытными кадрами отстающим колхозам, — взволнованно говорит секретарь партийного бюро цеха серого чугуна С. Литвиненко, — является еще одним ярким свидетельством неустанной заботы о новом расцвете колхозов, а значит, и о благополучии всего нашего народа. Вся наша страна, весь рабочий класс и трудовая интеллигенция горячо одобряют этот призыв партии и правительства...

Стефан Сергеевич Литвиненко двадцать четыре года трудится на заводе. Он опытный мастер, передовик производства. В цехе и на заводе его знают как хорошего организатора, принципиального коммуниста, человека с большим жизненным опытом. Собравшиеся внимательно слушают его речь.

— Я — ростовчанин, — продолжает Литвиненко, — люблю свой родной город, люблю завод. Здесь прошла вся моя жизнь, с городом и заводом связано все хорошее. Трудно расстаться с коллективом? Конечно, трудно. Но, если вы поддержите меня, я твердо решил пойти на работу в самый отстающий колхоз. И семья поедет со мной... Заверяю вас, товарищи, что я оправдаю ваше доверие.

Зал бурно аплодирует.

А на трибуне уже другой оратор — начальник пролета кузнечного цеха А. Нор-Аревян. Строитель завода, слесарь, затем мастер — таков двадцатишестилетний путь работы Андрея Александровича на «Ростсельмаше».

— Помочь труженикам колхозной деревни выполнять исторические решения партии и правительства о крутом подъеме сельского хозяйства, — говорит Нор-Аревян, — это наш долг, наша святая обязанность. Я прошу вас, товарищи, рекомендовать меня на работу в колхоз. Заверяю, что коллективу завода не придется за меня краснеть...

За короткий срок в партийный комитет завода «Ростсельмаш» поступило семьдесят заявлений — от мастеров, инженеров, техников, партийных и хозяйственных работников, коммунистов и беспартийных, изъявивших желание поехать на работу в отстающие колхозы.

Закончилось собрание. А в цехах не утихает гул. Завтра в разные концы Советской страны опять уйдут эшелоны с ростовскими комбайнами и другими сельскохозяйственными машинами. А скоро и посланцы «Ростсельмаша» по призыву партии и правительства поедут помогать отстающим колхозам выходить в ряды передовых.

Вл. ПОНЕДЕЛЬНИК,
собственный корреспондент «Литературной газеты»
РОСТОВ-на-ДОНУ. **(По телефону)**

К 85-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

Страницы воспоминаний

Государственное издательство политической литературы выпустило несколько сборников и книг отдельных авторов, посвященных Владимиру Ильичу Ленину.

Материалы сборника «Воспоминания родных о В. И. Ленине» освещают отдельные периоды его жизни и деятельности. Большая часть их относится к детству и юности Владимира Ильича и его революционной работе в дооктябрьский период. В книгу вошли воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой, Д. И. Ульяновой, М. И. Ульяновой и Н. К. Крупской.

Вновь изданы «Воспоминания о Ленине» Клары Цеткин. В них рассказывается о встречах с Владимиром Ильичем в 1920, 1921 и 1922 годах, о его высказываниях по вопросам искусства, культуры, международного женского движения, германского революционного движения и т. д. В эту брошюру включены публиковавшиеся ранее «Воспоминания о Ленине», «Из записной книжки» и «Ленин и массы». Книгу открывает предисловие Н. К. Крупской.

Четвертым изданием вышла книга одного из старейших большевиков — П. Н. Лепешинского «На повороте». Академик Г. М. Кржижановский в своем кратком предисловии объясняет интерес читателей к этой книге правдивостью, искренностью, художественной зоркостью ее автора и исторической значимостью описываемых им событий.

«Перечитывая зарисовки П. Н. Лепешинского, — говорится в предисловии, — мы можем отметить, что многие из них свидетельствуют об удачных находках... которые успешнее всякого рода отвлеченных рассуждений дают нам почувствовать несравненное обаяние личности живого В. И. Ленина».

В сборнике «Воспоминания о В. И. Ленине» даны произведения Г. М. Кржижановского, Ц. С. Зеликсон-Бобровской, В. А. Карпинского, С. И. Гопнер, Е. Д. Стасовой, Г. И. Петровского и обзор высказываний рабочих «Трехгорки». Это — живые свидетельства тесной связи Ленина с широкими массами трудящихся, его трогательной заботы о простых людях.

О своем первом знакомстве с Владимиром Ильичем в Женеве в 1903—1904 гг., о последующих встречах — в Москве и на общероссийской партийной конференции в Гельсингфорсе рассказывает Ц. С. Бобровская (Зеликсон) в книге «Страницы из революционного прошлого».

На книжных полках

В эти дни на книжных полках магазинов появятся новые издания художественных книг о В. И. Ленине. В «Советском писателе» вышло новое издание поэмы С. Щипачева «Домик в Шушенском», готовится книжка стихов о В. И. Ленине М. Лисянского.

Особенно большими тиражами выпускаются к ленинским дням книги для детей. Четыреста тысяч экземпляров — тираж восьмого по счету издания воспоминаний о детских и юношеских годах В. И. Ленина Н. Веретенникова — «Володя Ульянов». Недавно тиражом в триста тысяч экземпляров вышла книга А. Ульяновой «Детские и школьные годы Ильича». Сейчас она переиздана двухсоттысячным тиражом. Таким же тиражом выходят стихи С. Михалкова «В Музее В. И. Ленина». Готовятся к выпуску рассказы о В. И. Ленине А. Кононова.

Три года назад в издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник прозаических и поэтических произведений о Ленине. Сейчас подготовлено второе издание этого сборника, значительно дополненное и переработанное. В него включены поэмы В. Федорова «Ленинский подарок» и А. Филатова «Застава Ильича», стихи А. Жарова, А. Яшина, С. Смирнова, сказы П. Бажова «Солнечный камень» и «Богатырева рукавица», рассказы С. Антонова «Главный вопрос» и И. Арамилева «На отдыхе». Всего в сборнике будут опубликованы поэмы, стихи и рассказы более пятидесяти писателей.

Награждение И. Л. ЛЕ (Мойся) орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в области развития украинской советской художественной литературы, в связи с шестидесятилетием со дня рождения Указом Президиума Верховного Совета СССР писатель Иван Леонтьевич **Ле** (Мойся) награжден орденом **Трудового Красного Знамени.**

Награждение А. Токомбаева орденом Трудового Красного Знамени

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в области художественной литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения писатель Аалы **Токомбаев** награжден орденом **Трудового Красного Знамени.**

ТРАДИЦИИ МАЯКОВСКОГО И СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ

Михаил ЛУКОНИН

1. Мы отмечаем двадцатипятилетие с того дня, как ушел от нас Маяковский, оставив нам в наше полное вечное владение все сочиненное им. Это бесценное наследство обогатило духовное достояние советских людей, и с каждым годом мы убеждаемся в том, что оружие Маяковского становится все более действенным, с каждым днем отчетливее сознаем, что это оружие рассчитано на века. Мы гордимся тем, что наш народ, совершивший великую революцию, построивший первое в мире социалистическое государство, со всей щедростью, присущей его богатырской душе, подарил миру еще одного гениального поэта — Владимира Владимировича Маяковского.

Несмотря на двадцатипятилетнее расстояние, отделяющее нас от самого Маяковского, никак не привыкнешь думать о нем в прошедшем времени, как о монументе, — настолько он ощутимо, актуально и действенно живет в нашей повседневной действительности, так он близок и прост. Такой уж характер у нашего Маяковского, что он всегда будет живым с живыми!

Если бы мы могли измерить силу воздействия поэзии на читателей, силу участия поэзии в жизни наших людей, то со всей ясностью увидели бы, как неослабеваема, громадна работа стиха Маяковского. Стихи и поэмы его изучают и запоминают, в них находят формулировки для своих чувств и мыслей миллионы людей у нас и за рубежом.

Маяковский — сын революции, ее глашатай, поэтому влияние Маяковского — это прежде всего влияние нашей идеологии, влияние нашей революции, влияние партии, советской жизни.

В этом — источник его немеркнущей славы в народе, народной любви к нему.

В этом — главная причина любви к нему зарубежных читателей и прогрессивных поэтов мира, секрет его влияния на мировую поэзию. Такие крупные поэты, как Те Ги Чен, Тянь Цзянь, Пабло Неруда, Людмил Стоянов, Владислав Броневский, Куба, поэт-герой Никола Вапцаров, Станислав Нейман, Назым Хикмет, Луи Арагон и многие другие, по-своему, на своих языках, отразили и отражают опыт и традиции Маяковского.

Мы знаем драгоценные высказывания о нем Николы Вапцарова, признательные слова Назыма Хикмета. Французский писатель Луи Арагон не раз, в том числе и с этой трибуны Колонного зала, с любовью говорил о Маяковском.

Значение традиций Маяковского для прогрессивной, революционной поэзии мира с особенной наглядностью заметно на развитии поэзии и литературы великого Китая. Отзывчивое сердце Маяковского было полно любви к революционному Китаю, к его будущему. Стихи «Прочь руки от Китая!», «Мрачный юмор», «Лучший стих» посвящены событиям в Китае. Многие строфы о Китае в других произведениях Маяковского вдохновлены идеей дружбы наших великих народов. Впервые переведенные выдающимся китайским писателем Го Можо, стихи Маяковского сразу привлекли внимание читателей и поэтов. С тех пор поэзия Маяковского стала боевой силой, мобилизующей китайскую поэзию. Многие современные китайские поэты испытали благотворное влияние традиций Маяковского и с благодарностью чтут его имя. Творчество Ай Цина, Ху Фэна, Янь Чэня, Ли Цзи и других свидетельствует об учебе у лучшего советского поэта. Такой крупнейший поэт, как Тянь Цзянь, прошедший раннюю школу подражания Маяковскому и нашедший в процессе учебы истинную свою поэтическую манеру, близкую китайской народной поэзии, многим обязан великим традициям классика революционной поэзии. Взволнованные слова «Песни Маяковскому», написанной Тянь Цзянем, с большой силой и искренностью обобщают роль и значение революционной поэзии Маяковского для всей передовой поэзии мира.

«Товарищ Маяковский! Ты попрежнему живешь рядом с нами, мы как будто всегда видим тебя, и ты декламируешь свои стихи... Твой творческий опыт — приравнять перо к штыку — стал моим идеалом... Жаль, что сам я — еще только птенец, не вылетевший из гнезда, мои перья еще недостаточно длинны, а я уже осмеливаюсь учиться полету у буревестника. Тот, кто может стать твоим товарищем, должен сперва научиться пить из источника революции... Я обязательно буду у тебя учиться. Чему учиться? — Сделать голос трудового народа кистью поэта, и пусть эта кисть говорит о воле миллионов. Я раньше стремился к этому, стремлюсь сегодня, пройдут дни — и я буду снова стремиться к этому».

2. Велика значимость того счастливого обстоятельства, что именно Маяковский, поэт высшего поэтического дарования, глубочайший человековед, политик, революционер и новатор, начал, повел за собой и ведет нашу советскую поэзию.

Передовым деятелям литературы с первых дней советской власти, с первых шагов творческой работы зрелого Маяковского стала очевидна его ведущая роль в поэзии. В трудной борьбе за социалистический реализм, за народность поэзии Маяковский утверждал основной принцип нашей литературы — принцип **партийности.**

Пример Маяковского с самого начала поддерживал и увлекал своей заразительной молодостью лучших советских поэтов. Дружеское порицание, дружеская похвала, а главное, пример повседневного участия стихом в борьбе народа не могли не сказаться на формировании нашей поэзии, несмотря на то, что различны были поэты, работавшие тогда рядом с Маяковским, и по-разному относились они к его поэзии. Иные из них родились в огне революции, другие принесли с собой пафос гражданской войны, третьи только еще запевали тогда комсомольские песни. Но каждый из них пришел в поэзию со своей молодой романтикой, со своей верой в будущее. Именно эти качества современной поэзии — веру в будущее, преданность народу — ценил и оберегал Маяковский.

Сколько я ни читал Маяковского, я ни разу не встретил у него высказываний против поэтического стиля Демьяна Бедного. Наоборот, есть высказывание, подчеркивающее правильное понимание этим поэтом социального заказа; ни разу не встретил я у Маяковского утверждения, что традиции классической поэтики в практике современных поэтов изжили себя. Не было этого! Маяковский первый отметил силу светловской «Гренады», и нигде он не высказывал сожаления о том, что она написана размером «Кто мчится, кто скачет под хладною мглой». Маяковский был многогранен и широк в своем представлении о поэтических средствах, никогда не считал свою поэтику единственно возможной, никому не навязывал ее.

Он был непримирим в борьбе за идейность, тенденциозность советской поэзии, за ее революционность.

Маяковский любил советскую поэзию, ревностно следил за ней, гордился ею, говорил о ней в своих выступлениях перед читателями нашей страны и за рубежом. Всем памятно, например, выступление Маяковского в 1927 году в Чехословакии, озаглавленное «Десять лет десяти русских поэтов», поднимавшее престиж советской поэзии, интерес к ней.

Совершенно очевидно, что Маяковский, формируя революционный характер советской поэзии, самоотверженно борясь за партийность литературы, никогда не задавался формалистической целью разрушения классического стиха, никогда не противопоставлял свою классическую поэтику классической поэтике великих предшественников, не считал ее единственно возможной и непререкаемой. Основа традиций Маяковского состоит прежде всего в его воззрениях на взаимоотношения поэзии с жизнью, именно эти традиции оказали решающее влияние на советских поэтов.

Глубокое понимание традиций Маяковского, перспектив их развития, их политической жизненности проявила основная масса советских поэтов уже на Первом всесоюзном съезде писателей.

Враждебной попытке увести нашу поэзию в сторону от активного вторжения в жизнь, попытке сдать в архив творчество Маяковского и Демьяна Бедного, разделить поэзию на «чистых» и «нечистых» — этой попытке наши поэты дали единодушный отпор.

Нам, последующим поколениям поэтов, нельзя не уважать наших старших товарищей по оружию за то, что они отстояли тогда знамя боевых традиций Маяковского!

3. В героических свершениях нашего народа, в нашем сегодня есть доля пламенной жизни Маяковского, его бессмертное творческое счастье. В силе советской поэзии, в ее неувядаемом разнообразии, идейной целеустремленности, в ее партийности и реализме — жизнь его традиций.

Вступление в поэму «Во весь голос» явилось как бы вступлением в дальнейшую советскую поэзию.

За последние годы серьезно изучено творчество Маяковского, во всей широте поставлен вопрос об освоении его традиций.

Были большие споры вокруг этого, были и битвы, наверное, и еще будут споры. Были споры о взаимоотношениях Маяковского с футуризмом. И это ясно. Действительно, футуризм на некоторое время отвлек Маяковского от главного, что составляет его творчество, но отвлек не надолго, — Маяковский перешагнул футуризм, устремившись к революции. Маяковскому не нужны скидки, он человек мужественный и не любил замазывать ни трудности роста, ни ошибки.

Правы исследователи, идущие вслед за исторической правдой. Мы за такое «маяковедение», за такую науку, у которой не является превалирующей «тормозная система» взглядов, за науку, уважающую ценность объективно-исторических данных.

Теперь всем понятна и никчемность попыток созвать так называемую «школу» Маяковского. И дело не только в ошибке тех, кто пытался ее собирать. Дело в том, что некоторое время критика и поэтическая общественность считали существование «школы» действительным. Только поэты, пишущие классическим ямбом, говорили: «А нас ведь много, нас большинство». Собирание «школы», по существу, разделяло поэзию, отгораживало всю остальную поэзию от традиций Маяковского, от учебы у него. Говорить о том, что Маяковский — «школа», значит снижать его значение. Маяковский — не школа, а традиция советской поэзии. Непонимание этого является непониманием советской поэзии, ее задач. Все это определенно и четко было высказано и понято в последнее время.

Наиболее сложным пока что кажется вопрос овладения новаторской поэтикой Маяковского. Долгое время на форму стихов Маяковского смотрели, как на принудительное и малопрактичное приложение к безусловно революционному, идейному содержанию его поэзии. Надо сказать, что старые противники партийности, агитаторской, агитационной остроты его творчества в целях маскировки хватались именно за наиболее уязвимое, как им казалось, звено — форму Маяковского. Говорилось о ее противоположности классическому стихосложению, о разрушительной ее миссии, о том, что, дескать, она выпадает из русла русской поэзии вообще. Наша поэзия, наша критика, а больше всего сам Маяковский счастливой жизнью своих ста томов партийных книжек начисто отмели несостоявшиеся попытки разорвать форму и содержание его произведений.

Форма Маяковского, своеобразие его ритмов, рифм представляют собой не что-то такое, что появилось поверх или в обход законов нашего языка, — это свой, собственный голос, свое лицо, своя поэтическая интонация, которая вообще и должна быть и бывает у каждого яркого, самостоятельного поэта. Только то обстоятельство, что Маяковский — гениальный поэт, соразмерно и с его поэтической непохожестью, с его такой большой поэтической индивидуальностью. Поэтика Маяковского относится к поэтике Некрасова, как форма Некрасова к пушкинскому стиху, они не противостоят один другому, они блестяще подчеркивают, насколько велик наш русский язык и как неисчерпаемы возможности русской поэзии.

И все же правильное, теперь уже устанавливающееся, понимание прямой связи классической поэтики с формой Маяковского в работах некоторых критиков идет иногда по мало полезной линии. Наряду с ценными и доказательными мыслями есть еще у некоторых товарищей попытки механически раскладывать стих Маяковского на установленные размеры. Это мало перспективно, и дело не в том, что у Маяковского есть элементы классических размеров, в этом нет ничего удивительного.

Исследование ритма Маяковского должно идти в неразрывной связи с изучением всех поэтических средств Маяковского и, конечно, на почве конкретных задач, которые в каждом случае ставил перед собой поэт. Совершенно непригодны принципы, высказанные кем-то из товарищей на одном совещании: «Стихи Маяковского надо делить на три группы: первая — стихи интонационно-разговорного характера — 25 процентов. Затем 35 процентов — стихи, связанные с классической ритмикой. И 45 процентов — такие стихи, где преобладает классическая манера стиха». Несмотря на все 105 процентов, которые тут получились, смысла в этом нет. На этой почве и появились утверждения о том, что ритмы стихов Маяковского — просто смесь классических, что, дескать, новаторства тут нет и что новаторство в поэзии вообще невозможно.

Такого рода процентно-схоластические рассуждения напоминают мне сообщение иностранной печати, перепечатанное одной провинциальной газетой в прошлом веке.

«Сколько стоило открытие Америки.

Недавно в архивах города Палоса были найдены бумаги, оказавшиеся страницами расходной книги Христофора Колумба». Дальше шло перечисление расходов и общий итог: «Все расходы — 16 тысяч. Сравнительно с расходами позднейших экспедиций — особенно полярных — сумма эта представляется крайне ничтожной, и можно сказать, что Америка обошлась Колумбу дешево».

Подобная провинциальная, мещанская радость похожа на утверждение критика, который так легко подсчитывает затраты поэта.

Упрощенное представление о новаторстве Маяковского, сведение всего к ритму — отрицание возможности новаторства в поэзии, может быть, и способно утешить кого-нибудь из нас, поэтов, но оно смехотворно по отношению к Маяковскому и вредно для развития поэзии в целом.

Надо радоваться высокому единству формы и содержания в поэзии Маяковского. Она открыла новые возможности для нашей поэзии. Однако и сам Маяковский не объявлял свою поэтику обязательной и исключительной, как это пытались сделать впоследствии, придавая первостепенное значение в традициях **форме** Маяковского.

Такие неверные взгляды повели за собой ненужные и бесплодные поиски «заметной» учебы, «наглядного» доказательства освоения традиций Маяковского. Так, например, критика брала строки из отличного стихотворения А. Твардовского «Партизанам Смоленщины».

Эй, веселый народ,
Бей!
Наша берет!

— и говорила: «А вот — Маяковский!», как будто «Эй!» является признаком формы Маяковского!

Таким образом подводились «под Маяковского» строки А. Суркова:

Я в жизни объехал
много стран.
Англию видел,
знаю Иран.

Только и есть тут общего, что Сурков, как и Маяковский, ездил.

Нужен ли такой способ выяснения традиций? Страдает ли поэтика Маяковского от того, что Твардовский, Сурков и многие другие поэты пишут по-своему, основываясь на других образцах? Нет, конечно.

Наблюдается и другое. Становится привычным в нашей критике приписывать влиянию Маяковского все, написанное вверх ногами. Мне довелось читать рецензию одного критика на книгу молодого поэта, там он пишет:

(Окончание на 2-й стр.)

Из доклада на торжественном заседании в Москве, в Колонном зале Дома союзов.

Международные отклики

СТАРЫЕ МЕЛОДИИ, СТАРЫЕ СЛОВА...

В Вашингтоне и Бонне готовятся к приему Западной Германии в Северо-атлантический блок. Торжество состоится в середине мая на сессии Совета НАТО. А пока оркестр западной пропаганды репетирует праздничные бравурные мелодии.

Но, увы, не все получается так, как задумано заокеанскими адвокатами вермахта, и подготовка к торжеству явно омрачена. Миллионы людей в Западной Европе встревожены планами возрождения вермахта и не намерены молчаливо дожидаться их осуществления. Голоса протеста и возмущения звучат все громче. Люди особенно обеспокоены сейчас тем, что парижские соглашения перечеркивают Франко-Советский и Англо-Советский Договоры. Проверенные на полях сражений, скрепленные кровью в совместной борьбе против гитлеровских захватчиков, подтвержденные всем ходом исторических событий последних лет, эти договоры служили надежной гарантией против повторения агрессии. Американская газета «Нью-Йорк таймс» признает: «Миллионы европейцев помнят, что эти договоры, родившиеся в период второй мировой войны, означали союз между западными и восточными державами во имя защиты от милитаризованной и агрессивной Германии».

Что могут противопоставить этому западные державы? Ничего, кроме жалких обещаний «обуздать» Западную Германию в рамках НАТО и сделать солдат нового вермахта послушными паймальчиками...

Снова, где вразнобой, где в такт, но, повинуясь вашингтонской дирижерской палочке, звучат инструменты западной пропаганды. Их лейтмотив все та же старая, убаюкивающая колыбельная песня об англо-американских «гарантиях» и укрощенном германском милитаризме. И мелодия эта давно набила оскомину, и текст хорошо знаком. Как писал Гейне:

Я знаю мелодию, знаю слова,
Я авторов знаю отлично...

Вот, например, какую сладкую песню тянет английское агентство ЦБИ: «значение парижских соглашений является скорее политическим, чем военным. Партнерам по этим соглашениям удалось преодолеть свои «трагические воспоминания» и принять решение, которое, если оно будет проведено надлежащим образом, навсегда исключит возможность войны между ними... Меры предосторожности, с которыми Германия согласилась в отношении своих вооруженных сил, являются действительно исчерпывающими».

Те же успокоительные напевы звучат и в пропагандистских выступлениях политических деятелей Запада. Боннский канцлер Аденауэр в специальном интервью корреспонденту американского журнала «Сатердей ивнинг пост» уверяет, что Западу не надо бояться угрозы возрождения германского нацизма. Нацизм и милитаризм мертвы, щебечет он.

Аденауэру вторит французский премьер Эдгар Фор. В своем очередном интервью, на сей раз американскому журналу «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», французский премьер клянется, что парижские соглашения не помешают ни переговорам четырех держав по германскому вопросу, ни объединению Германии на демократической основе.

Короче говоря, — и в этом смысл всех песен, — не беспокойтесь, не сопротивляйтесь, не мешайте нам...

А тем временем, пока пропагандистский оркестр исполняет эти знакомые мелодии, в Бонне с деловитостью людей, не впервые готовящих войну, распределяют посты и должности. Бывшим военным преступникам присваиваются пышные военные звания, подсчитываются контингенты, разрабатываются планы наступательных операций.

Парижские соглашения еще не вступили в силу, а боннское правительство уже поторопилось сообщить имена своих представителей в НАТО. Это — нынешний статс-секретарь боннского министерства иностранных дел Хальштейн, который будет постоянным представителем Западной Германии в НАТО, и гитлеровский генерал Хассо фон Мантейфель. Ему предоставляется пост заместителя верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО.

Какая ирония судьбы! Гитлеровский генерал Мантейфель, руководивший военными операциями против Франции, будет определять новую стратегию Атлантического блока, а французскому маршалу Жюэну, который командует вооруженными силами Северо-атлантического блока в Центральной Европе, придется послушно выполнять его директивы. И удивительно ли, что французы, возмущенные новым оскорблением национального достоинства Франции, не верят успокоительным речам господина Эдгара Фора?

...Нет, миллионы людей в Европе не преодолели «трагических воспоминаний», как бы того ни хотелось английскому агентству ЦБИ. Они ничего не забыли. И меньше всего может помочь им уйти от воспоминаний отвратительное зрелище того, как гитлеровские головорезы вновь получают оружие.

Ни во Франции, ни в Англии, ни в других европейских странах не убаюкают здравомыслящих людей песни о мифических «гарантиях», будто бы способных сдержать агрессора.

ЛИТЕРАТОР

ПЕРЕД КОНФЕРЕНЦИЕЙ В БАНДУНГЕ

ИНДОНЕЗИЯ СЕГОДНЯ

В шумной и знойной столице Индонезии в эти дни много говорят об открывающейся 18 апреля в Бандунге конференции, на которой встретятся официальные представители полуторамиллиардного населения стран Азии и Африки. Государственные деятели обсудят на этой конференции вопрос о роли этих стран в современном мире и о том, какой вклад они могут внести в дело сохранения всеобщего мира и повышения человеческого благосостояния.

Джакарта, город, который долгое время назывался Батавией, был связан с остальными странами Азии широкими культурными, религиозными и торговыми отношениями. Но из того, что мне довелось услышать здесь и в других местах на Яве, можно заключить, что Индонезия никогда еще не проявляла такой горячей заинтересованности, как сейчас, в проблемах, общих для всей Азии.

Национальное освобождение Индонезии — этой богатой природными ресурсами страны, находившейся на протяжении трех с половиной веков под игом голландских колонизаторов, — станет полным, когда будут уничтожены последствия этого ига, когда экономика страны станет подлинно национальной. Бандунгская конференция, в повестке дня которой вопросы борьбы с колониализмом занимают видное место, естественно, привлекает внимание индонезийской общественности.

В течение последних недель я много путешествовал по Индонезии. Я встречался с политически сознательными, объединенными в профсоюзы докерами Сурабаи, с рабочими плантаций Восточной Явы, с юношами, которых демобилизовали из армии и направили в высшие учебные заведения с тем, чтобы по окончании учебы они смогли заменить иностранных специалистов. Я беседовал с крестьянами в их тростниковых хижинах, с рикшами-мадурцами, развозящими пассажиров на так называемых «беча» (велоколяска) и ночующими на городских мостовых; с государственными служащими и общественными деятелями.

Цели и задачи Бандунгской конференции (ее называют здесь азиатско-африканской конференцией) широко освещаются индонезийской печатью. Народ одобряет их. Я слышал, как индонезийцы обсуждали этот вопрос и на острове Бали, в тени своих священных деревьев варингин, и на острове Ява, на митингах, созванных организацией «Женское движение Индонезии» («Гервани»), в театрах и других местах.

Некоторые — те, кто читает газеты или слушает радио, — скажут вам, что азиатско-африканская конференция поддержит, как они надеются, требование Индонезии о возвращении республике Западного Ириана (Западной Новой Гвинеи) — территории, которая незаконно удерживается голландскими колонизаторами.

Мне приходилось слышать, как Западный Ириан называли «индонезийским Тайванем». «Наш народ крайне возмущен тем, что его соотечественники до сих пор томятся под колониальным игом, — сказал мне один индонезийский журналист.

— Более того, поскольку Западный Ириан находится в руках голландцев, часть нашей территории непосредственно включена в орбиту американских военно-стратегических планов, по отношению к которым подавляющее большинство нашего народа занимает непримиримую позицию».

Это возмущение народа усилилось, когда стало известно, что голландцы и американцы совместно ведут сейчас в Западном Ириане широкое стратегическое строительство. Там сооружаются доки, нефтепроводы, аэродромы и дороги. Ведь только голландские расходы в Западном Ириане за последние два года составили около 200 миллионов гульденов. Здесь повторяют слова президента Сукарно, заявившего, что «до тех пор, пока над Западным Ирианом реет голландский флаг, мы не можем считать себя свободными от угрозы».

Сотни тысяч индонезийских крестьян продолжают работать на плантациях, принадлежащих голландцам. Индонезийские товары все еще перевозятся на принадлежащих голландцам пароходах, причем погрузка производится в портах, которые за редкими исключениями являются собственностью иностранцев. Иностранные капиталисты продолжают выжимать из Индонезии прибыли, находящиеся в фантастическом несоответствии с суммами капиталовложений.

«Мы надеемся, — заявил премьер-министр Индонезии Али Састроамиджойо, — что голос конференции стран Азии и Африки будет услышан во всем мире и что она будет содействовать достижению подлинного мира».

Индонезийский народ уверен, что конференция в Бандунге поможет объединить усилия азиатских народов, что она преградит путь тем, кто все еще зарится на богатства Индонезии.

Ральф ПАРКЕР,
английский журналист

ДЖАКАРТА

ТРАДИЦИИ МАЯКОВСКОГО И СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

«Иногда автор, стремясь подражать Маяковскому, ошибочно полагает, что стилистическая неряшливость способна наиболее передать интонации талантливейшего поэта, и пишет такое маловразумительное:

Нам подавай такое,
Чтоб на руках — мозоли,
Но чтобы в сердце музыка,
А в голове — огонь!».

По интонации это скорее Гусев, а вообще—просто плохо, и Маяковский тут ни при чем.

Возникает подозрение, что не автор, а критик думает, будто стилистическая неряшливость наиболее способна передать интонации Маяковского, иначе он не связывал бы эти вирши с Маяковским.

Как и другие поэты, я получаю письма с приложением стихов, чаще всего мне попадаются стихи, написанные лесенкой. В письмах — жалобы: «Не хотят печатать, зажимают. Не принимают стих Маяковского».

Большинство стихов — обычные частушки, проба пера. Лесенкой разбивают так, как бьют посуду — где треснет. Бывает хуже: заумничают. Словом, людей плохо учили, не разъясняли, что такое поэтика Маяковского. Но бывают среди присылающих стихи люди способные, поэтически одаренные, но подражающие Маяковскому, ступающие след в след за его интонацией. С такими людьми стоит работать, такой начинающий может в дальнейшем найти свое среди больших возможностей, открытых поэтикой Маяковского. К сожалению, у нас путают подражанием, каждое прикосновение к свободному стиху — свободному от канонических размеров — называют подражанием Маяковскому и считают это бесперспективным. Это неверно! Надо к подражанию начинающего подходить, как вообще к первой стадии творчества, и пугать этим нечего. Характерно, кстати, что в борцы против подражания Маяковскому записываются чаще всего поэты, творчество которых само не имеет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, как дистиллированная вода.

Подражание всегда требует преодоления. Но надо со всей прямотой сказать, что внимание к поэтике Маяковского у начинающих и молодых поэтов является одним из проявлений силы его новаторской формы, и поэтов, близких к ней, будет все больше и больше — ничего в этом неестественного нет!

4. Читая и перечитывая стихи и поэмы Маяковского, видишь, какой отзывчивой и чуткой душой был он наделен, какой любовью дышал. Ведь безраздельное слияние личного и общественного, партийность поэзии Маяковского, которую мы берем себе в пример, является не творческой его манерой, а образом жизни, его дыханием. Поэтому в этом единстве Маяковский был цельным до конца. И в поэме «Про это», и особенно в поэмах «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!», в «Стихах о советском паспорте», заграничных стихах, в сатире и лирике это внутреннее его единство нашло свое яркое воплощение и в самих художественных достоинствах произведений.

В одном из писем Маяковский писал: «Ноющее делать легко,— оно щипет сердце не выделкой слов, а связанными со стихом посторонними параллельными ноющими восклицаниями. Одному из своих неуклюжих бегемотов-стихов я приделал такой райский хвостик:

Я хочу быть понят моей страной,
а не буду понят,
что ж?
По родной стране
пройду стороной,
как проходит
косой дождь.

Несмотря на всю романсовую чувствительность (публика хватается за платки), я эти красивые, подмоченные дождем перышки вырвал».

Вот его настоящая позиция, и эстетика, и его художественная правда, и искренность, и отношение к вопросу о самовыражении.

Советская поэзия накопила громадный положительный опыт. Ее развитие — это нарастание тем большого общественного звучания, гражданских мотивов большого накала. Лучшие достижения советской поэзии живы именно этим.

В этом состояла сила и предвоенной нашей поэзии, перед тем как она вышла на свой великий подвиг войны, когда с особенной наглядностью выразились жизненность традиций Маяковского и жизнь его поэзии.

Значительны достижения нашей поэзии в послевоенный период. Я не склонен, как некоторые, считать, что наша поэзия после войны утратила свой активный жизненный характер. Но недовольство читателей, которое испытываем и мы, поэты, не может не заставить нас, вспоминая заслуги нашей поэзии, согласиться с упреками в ее отставании.

Со всей определенностью встает перед нами вопрос освоения традиций Маяковского именно в настоящее время, когда мы ощущаем значительные пробелы и упущения в своей работе.

Маяковский писал:

все, что я сделал,
все это ваше —
рифмы,
темы,
дикция,
бас!

Мы знаем, что **темы** Маяковского — это самые насущные вопросы советской жизни, самые глубинные чувства советских людей. Мы все вместе едва ли охватываем те темы, которыми жил он, — так была необъятна его художническая палитра. Но главная тема Маяковского, та тема, которой он посвятил все свое творчество и которой подчинил все другие темы, самая его главная задача — создание **образа советского человека.**

Поэзия Маяковского питалась высшей потребностью человеческого общения, она возникла из стремления поэта сделать человека лучше, вдохновенней, тоньше, жизнеустойчивей, любвеобильней, его поэзия жила для того, чтобы передать человеку то особое, что открылось ему самому, обрадовать его видением высшей коммунистической цели, воодушевить мыслью, чувством, которым его самого осчастливила советская жизнь.

Маяковский боролся за советского человека, за его высокую и чистую любовь, выступая против проходимцев в любви. В сатире и лирике Маяковского кипит эта борьба во имя лучшего человека. Беспощадно давил он летучие семена мещанства и обывательщины, которые поэт ненавидел всей душой, может быть, больше, чем что-нибудь другое.

Великий, он видел коммунистическое будущее, был устремлен к нему всей страстью своей реалистической поэзии. Но его стиху была чужда выспренняя трескотня, он не любил парить в стратосфере поэтической фразистики. Он знал, как живет советский человек, что́ он думает, что̀ ему мешает и что́ помогает, и со всей смелостью и любовью к советскому человеку говорил об этом.

За последнее время эта главная традиция и главная тема Маяковского решается нами неполно. То мы беремся за темы — человек в труде, то шарахаемся: забыли любовь! Мы ослабили воспитательное воздействие поэзии. На страницах газет ставятся вопросы борьбы с пережитками капитализма. Журналисты обличают длинноволосых стиляг, сытые морды мещанства, жеманное ничегонеделанье, всяческую пошлость. Поэты же еще не нашли красок для страстной и гневной сатиры. Ведь лакировка действительности не только в том, чтобы приукрашенно показывать, но и в замалчивании, в ослаблении активной борьбы за чистоту человека!

5. Маяковский оставил нам свою дикцию. Дикция у него отличная — он хорошо слышен людям, понятен и доходчив.

Маяковский с такой зоркостью видел ростки будущего, на столько лет вперед, что и сейчас он впереди нас!

В приветствии ЦК КПСС Второму съезду писателей сказано: «Наша литература призвана не только отражать новое, но и всемерно помогать его победе».

Можем ли мы твердо сказать сейчас, что мы хорошо выполняем этот наказ, претворяем традиции Маяковского в этом, в главном?

Несмотря на отдельные достижения, вернее — именно смотря на эти достижения и учитывая неисчерпаемые возможности нашей талантливой, мощной поэзии, мы должны признать, что все это остается нашей задачей, нашим долгом перед поэзией и перед народом.

Очевидно, что наша поэзия и дальше будет развиваться, основываясь на поэтике Пушкина, Некрасова, Маяковского; никто не сделает поэтику Маяковского ни обязательной для всех, ни невозможной для тех, кто ей следует. Но замечательный пример Маяковского, сама долгая жизнь его произведений ставят перед поэтами всех направлений вопрос об учебе у него мастерству, той самой дикции, которую он имел в виду.

Маяковский всегда задавался большой целью, ставил перед собой большие поэтические задачи, а мы часто миримся у себя с заведомыми однодневками.

Поэзия Маяковского учит бороться с завезженными художественными средствами, она противоположна иждивенческому отношению к стиху. Пора нам повести наступление против безликости, против стихов, способных пройти испытание на художественную обтекаемость в аэродинамической трубе.

Есть ряд специфических недостатков, присущих некоторым произведениям поэтов, тяготеющих к форме стихов Маяковского, к его поэтике.

Большего внимания поэтов требует, например, такой элемент поэтики Маяковского, как ритм. Ритм Маяковского иногда вводит в заблуждение своей кажущейся раскованностью.

На самом же деле ритм большинства произведений Маяковского, часто лишенный перил известной метрики, подчинен четким внутренним законам и требует от поэтов, следующих этому стиху, особенной дисциплины ритма, абсолютного слуха, повышенного чувства интонации, которыми в совершенстве обладал Маяковский. Те поэты, которые упускают это из виду, часто теряют внутреннюю интонацию, рассыпают стих.

Издержки этого, я не говорю сейчас о молодых, встречаются и у такого мастера, как К. Симонов, который все с большей и большей наглядностью подтверждает благодарные возможности учебы у Маяковского, смело ищет и многого достигает. Издержки ритмической неорганизованности, потери интонации заметны у него иногда даже в очень хороших стихах, какими мне кажутся «В гостях у Шоу», «Красное и голубое».

Некоторых поэтов обманывает так называемая «разговорная» манера стиха, «ораторское» решение темы. Появляются стихи, лишенные главного признака поэзии вообще и поэзии Маяковского, в частности, — **эмоциональной силы.** На мой взгляд, этот недостаток присущ некоторым последним стихотворениям А. Софронова, который, решая новые для него темы, законно ищет путей для себя в поэтике Маяковского.

Но, читая такие стихи, видишь, что многое остро схвачено, целеустремленно, а чего-то нету. Это «что-то» и есть то, что должно трогать душу, волновать, — поэтичность. Так и кажется, что некоторые стихи написаны в обход творческого процесса. Прочтешь такое стихотворение— и все вроде на месте: тут остроумно, там наблюдательно, вообще все ясно, а не живешь им. И вспоминаешь при этом меткую фразу, сказанную кем-то из великих писателей: если выражение мысли может иметь только одну красоту — полную ясность, то стихи — излишни!

Надо глубже чувствовать, гореть. Маяковский не излагал стихами, а жил ими. Он никогда и ничем не заменял средств поэзии, он дорожил ими, приумножал их. Надо пристально изучать поэтические качества Маяковского, чтобы стих не утратил свойства волновать, действовать, оставаться в сердце.

Надо всегда помнить любовь Маяковского к нашей поэзии. Это — тоже его традиция. Об этом не должны забывать и поэты и критики.

Маяковский был за то, чтобы—«побольше поэтов хороших и разных». Он не отделял себя от всей литературы, не требовал себе особого положения. А у нас еще есть такая критика, которая продиктована вкусовщиной, нетерпимостью к иному, чем полюбившийся критику, поэтическому стилю. Хоть и не в силах такая критика сбить с толку, остановить развитие, оборвать многообразие, но она злопамятна, она может долго преследовать поэта, до тех пор, пока ему, если он доживет до этого, не случится вслед за двумя-тремя поэтами перевалить тот рубеж, за которым идут уже сплошные похвалы. Впрочем, окажется, что и там не мед, там можно задохнуться от восторженных объятий такой оперативной критики, туго сплетенные лавровые венки начнут пригибать шею к земле, будут казаться хомутами, потому что не успеет поэт опубликовать стихотворение, как оно объявится этапным, опубликует отрывок из поэмы —будут говорить и писать, что это уже готовая поэма, выпустит из рук песню — начнут ее называть шедевром. Пожалуй, и от такой критики, невнимательной к поэту, суетливой, ему станет неуютно и там, за тем рубежом, и запросится он обратно — в нормальную поэтическую жизнь, на общих основаниях, с полным правом на умную критику, которая помогает развиваться, не дает обкрадывать ему самому свои возможности, отступать от своего художественного принципа, спускаться ниже своего уровня, успокаиваться на достигнутом.

Маяковский был против деления на ранги. Мы должны помнить и эту традицию нашего правофлангового.

Многообразие поэзии отражает многообразие самой жизни.

На Втором всесоюзном съезде писателей, подводя итоги нашему развитию за 20 лет, мы с гордостью отметили широту и многоголосность нашей литературы.

В своем выступлении на съезде наш большой друг Жоржи Амаду говорил о том, что сектанты за рубежом, упрекая прогрессивных поэтов за поиски нового, приводят в пример нашу поэзию как поэзию только каноническую, как поэзию только классических размеров. Конечно, эти сектанты просто не знают нашей поэзии, поэзии живой, ищущей, многообразной. Мы не отдадим этих свойств нашей поэзии—эти свойства нравятся нашему народу.

Социалистический реализм, так высоко поднявший жизненную сущность поэзии, способствует новизне форм, вошедших в сознание народа. Не случайно наши читатели любят Маяковского, и эта любовь не только не мешает, а действенно помогает им любить наших разных поэтов. Любовь к Маяковскому помогает им любить и самых разных поэтов мира. Не вопреки своему художественному вкусу, а именно благодаря ему наши читатели так полюбили творчество Неруды, Амаду, Хикмета, Арагона и других поэтов человеческой правды!

В приветствии Центрального Комитета КПСС Второму съезду писателей есть замечательные слова: «Социалистический реализм дает возможность проявления широкой творческой инициативы, выбора разнообразных форм и стилей в соответствии с индивидуальными склонностями и вкусами писателя».

В приветствии ЦК КПСС есть призыв следовать традициям боевой поэзии Владимира Маяковского. Мы будем следовать этому призыву!

Наша советская поэзия, обогащенная традициями Маяковского, развивается правильно и преодолеет отставание. Великие свершения нашей Родины—вот наше творческое счастье. Мы не можем отставать от жизни, потому что в самой нашей жизни — поэзия. Она, эта поэзия жизни, не зависит от того, как работает тот или другой поэт, она не является нашей выдумкой и профессиональной собственностью. Поэзия всегда была, есть и будет, потому что она — проявление жизни. Можно не любить отдельные стихи, отдельных поэтов. Но нельзя не любить или не понимать поэзии, без нее невозможно жить, она — свойство жизни. Ведь если бы в жизни не было поэзии, то зима, например, только и была бы холодным временем года, а лето— той же зимой, «окрашенной зеленой краской», заводы были бы лишь собранием станков, любовь — просто помощницей природы, а солнце «было бы не более, как огромный фонарь, огромная печка».

В том-то и дело, что поэзия является душой жизни, иначе мы перешли бы к бумажным цветам, которые, кстати, давно пора бы изгнать из торговли, повысив урожай живых цветов.

Поэзия — в советском человеке, в душе нашего свободного народа, в его труде, в нашей коммунистической цели. Да, для этой неиссякаемой поэзии важно, как поэт представляет ее читателям, насколько хорошо видит, открывает и передает, воспитывая в других чувство поэтического, потому что поэт представляется человеком, более других наделенным душевной зоркостью к поэтическому существу жизни. На какой же высоте должна стоять культура поэтического творчества, чтобы соответствовать уровню поэзии самой советской действительности и быть впереди читателей в видении и чувствовании этой поэзии!

Когда мы сейчас говорим, что наша поэзия отстает от жизни, мы говорим приблизительно, не точно, мы имеем в виду то, что **поэты отстают от поэзии жизни.** Перед лицом блестящего, высокого примера Маяковского такое отставание нетерпимо.

Отмечая бессмертие лучшего и талантливейшего поэта советской эпохи, мы говорим о нашей поэзии потому, что наша поэзия является кровным делом Маяковского, его продолжением, его наследством. Неоценимы заслуги нашей поэзии перед временем и перед народом, наша задача— идти в ногу со временем, мы выполним эту задачу, осваивая и претворяя в ежедневной практике традиции Маяковского, всегда идущего с нами, ведущего нас, вечно живого, любимого поэта советского народа!

На черном гранитном постаменте — Владимир Маяковский. Он стоит в полный рост, широко расставив ноги, с непокрытой головой, глубоко засунув руки в карманы легкого плаща. Кажется, задумался поэт о чем-то вдохновенном и вот-вот сейчас скажет: «Слушайте, товарищи...».

Эта новая бронзовая скульптура Владимира Владимировича установлена на днях в Москве перед зданием Государственной библиотеки-музея В. В. Маяковского. Автор статуи—выпускник Тбилисской академии художеств Гурам Кордзахия сумел передать просто и величественно облик замечательнейшего поэта нашей эпохи.

В день открытия этой скульптуры состоялся митинг. Возле дома-музея собрались многие писатели, художники, школьники, трудящиеся столицы. На митинге выступили А. Сурков, Н. Асеев, С. Кирсанов, артисты В. Аксенов, С. Балашов и другие.

На снимке: **бронзовая скульптура Владимира Владимировича Маяковского.**

Фото Н. Грановского

В КОЛОННОМ ЗАЛЕ

Не обычным вечером памяти, а вечером-встречей с любимейшим поэтом стало торжественное заседание в Колонном зале Дома союзов, посвященное 25-летию со дня смерти В. Маяковского. Студенты, писатели, рабочие, артисты — всех их, сидящих сегодня в этом строгом белом зале, привела сюда пламенная, не гаснущая любовь к «агитатору, горлану-главарю» советской поэзии.

За прошедшие 25 лет необычайно расширился круг читателей Маяковского и необычайно вырос читатель. Надо слышать, как чутко реагирует молодежь (а она на вечере составляла бо́льшую часть публики) на строки Маяковского, звучащие с эстрады, чтобы еще яснее понять, как великолепно «доходит» до сегодняшней аудитории поэзия, которую когда-то пытались обвинить в непонятности.

— Все те годы, когда Маяковского уже не было в живых, — сказал во вступительном слове А. Сурков,—его поэзия шла рядом с нами и впереди нас, помогала нам на всех этапах жизни Советской страны.

С докладом «Традиции Маяковского и современная поэзия» выступил М. Луконин.

Свои стихи, посвященные Маяковскому, прочитал представитель старшего поколения советской литературы, сверстник и соратник Маяковского — Н. Асеев. Читатель, техник Московского подшипникового завода В. Павлов, который вместе с группой рабочих-добровольцев помогал поэту в 1930 году оформлять выставку «20 лет работы», рассказал, как сегодня, в повседневной заводской жизни, стихи Маяковского, используемые в сатирических листках, в стенных газетах, помогают выкорчевывать пережитки старого. Поэт Аркадий Кулешов прочитал «Стихи о советском паспорте» в переводе на белорусский язык.

— Двадцать пять лет тому назад мало кто предполагал, что любовь к Маяковскому, к его поэзии станет такой громадной, всенародной, охватывающей всех и каждого, от самого юного школьника до самого пожилого пенсионера, — сказал в своем выступлении С. Кирсанов.—Стихи Маяковского когда-то называли однодневками, но они оказались написанными на века. Далее С. Кирсанов, поделившись воспоминаниями о встречах с В. Маяковским, закончил свое выступление чтением стихов, посвященных поэту.

К. Симонов прочитал свое стихотворение «В Боннской республике», навеянное мыслью об образе Маяковского — полпреда советской поэзии за рубежом. Горячо встреченный аудиторией, Назым Хикмет сказал:

— Советский народ считает Маяковского своим самым лучшим поэтом, и мы, турки, тоже считаем его своим самым лучшим поэтом. Может быть, это сейчас официально и не признано. Но это будет признано.

Назым Хикмет рассказал о своем знакомстве с Маяковским и прочитал на турецком языке стихотворение, которое он читал когда-то в Политехническом музее на вечере, где выступал вместе с Маяковским.

Произведения Маяковского прочитали артисты И. Ильинский, В. Аксенов, Л. Колесов, Я. Смоленский, Г. Сорокин.

Литературные вечера

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.).** Литературный вечер, посвященный памяти В. В. Маяковского, состоялся в Доме писателя. Участники вечера услышали записанный на пленку голос поэта. Н. Черкасов рассказал о работе над образом поэта в спектакле «Они знали Маяковского», который идет сейчас на сцене Академического театра драмы имени А. С. Пушкина.

КИЕВ. **(Наш корр.).** Расширенное заседание Ученого совета Института литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук УССР заслушало вступительное слово члена-корреспондента Академии наук СССР А. Белецкого о роли и значении поэзии Маяковского, а также доклады кандидатов филологических наук Б. Минчина, А. Тростянецкого и аспиранта И. Дзюбы.

ТБИЛИСИ. **(Наш корр.).** В Государственной публичной библиотеке и других библиотеках республики организованы выставки, посвященные памяти поэта. В клубе Союза писателей состоялся вечер, на котором с воспоминаниями о пребывании Маяковского в Грузии выступил С. Чиковани.

***

Собрания, посвященные памяти В. В. Маяковского, состоялись во многих городах и селах страны.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЛЕНИНЕ

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

С Владимиром Ильичем Лениным я познакомился летом 1918 года. В Москве проходила тогда подготовка к Первому всероссийскому съезду по просвещению. После одного из заседаний Надежда Константиновна Крупская пригласила меня в Наркомпрос. Я сидел у нее, когда кто-то пришел и сказал, что за ней приехала машина. Надежда Константиновна предложила подвезти меня. Мы подошли к машине. Дверку отворили изнутри. В машине сидел Владимир Ильич.

Всю дорогу Владимир Ильич расспрашивал о том, что творится в Рязанской губернии, откуда я приехал, о состоянии партийной организации, о работе губисполкома, о настроении масс. Когда мы доехали до его квартиры, он предложил зайти к нему. Разговор продолжался. Я рассказал о том, что в свое время в Учредительное собрание из девяти делегатов мы послали четырех большевиков.

— А сколько у вас тогда было членов партии? — спросил Ильич.

— Несколько десятков.

— А теперь?

Ленина интересовали точные данные.

Узнав о том, что я приехал в Москву с губернского учительского съезда, Владимир Ильич стал расспрашивать меня о настроении интеллигенции. И здесь он требовал фактов — точных, проверенных.

Я рассказал, что часть пути ехал с учителями, возвращавшимися с конференции. Среди них была старая учительница. И вот перед тем, как выйти из вагона, она мне сказала: «Хорошая у вас душа, у большевиков. Слушала я вас и на конференции и в вагоне, и хочется мне сказать — придете вы к богу».

— А вы что ответили? — тотчас же спросил Владимир Ильич.

Пришлось передать ему все подробности разговора со старой учительницей.

Я навсегда запомнил эту первую встречу с Владимиром Ильичем, его манеру спрашивать, чтобы выявить все существо вопроса. Ленин подкупал собеседника не только своим горячим интересом к тому, о чем ему рассказывали, но и глубиной понимания рассказанного. Он то и дело ставил вопросы, видоизменял их, возвращался к ним вновь. Он выспрашивал и вместе с тем наводил на правильные ответы. Он требовал анализа явлений, выводов. И собеседник уходил от него, обогащенный новым пониманием того, что ему казалось раньше совершенно ясным.

***

На трибуне Владимира Ильича я видел в первый раз на Первом всероссийском съезде по просвещению. Съезд происходил в Москве в августе—сентябре 1918 года, в здании бывших женских курсов на Девичьем поле.

Он вошел тихо, незаметно, и его увидели не сразу. Только после того, когда расступилась группа людей, стоявшая около двери, и он подошел к столу, раздались неуверенные аплодисменты: не все знали его в лицо. Ленин? Да, Ленин. Он поздоровался с теми, кто сидел за столом. Теперь из залы рвались рукоплескания.

— Вот он какой, — сказала сидевшая рядом со мной сельская учительница, — совсем, совсем простой.

Она говорила вслух, но никого это не удивило, никто не остановил ее. Каждый понимал: ведь она видела Ленина в первый раз.

Ленин начал говорить. Это были простые слова, но они поражали своей правдой, разоблачали, приковывали к позорному столбу саботажников.

— Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы,— говорил Владимир Ильич.

Он кончил речь так, как кончают разговор в узком кругу товарищей — без пафоса, без призыва, без восклицаний:

— Все, что сочувствует народу не на словах, а на деле, лучшая часть учительства, придет на помощь, — и в этом для нас верный залог того, что дело социализма победит.

— Просто и верно! — сказала та же сидевшая рядом со мною учительница.

— Просто и верно, — говорили многие приехавшие с мест народные учителя. Им казалось, что они всегда думали именно так, как говорил Ленин.

...Ленин стоял в коридоре, окруженный делегатами, и отвечал на вопросы. Мария Ильинична Ульянова и Вера Михайловна Бонч-Бруевич вызывали машину. Он пошел к двери.

Был ясный осенний день. Желтые листья, подхваченные легким ветерком, шуршали о камни мостовой. Становилось прохладно. Ленин приподнял воротник пальто. Всматриваясь вдоль улицы, мы ждали машину. Ее все не было. Мария Ильинична предложила войти в помещение. Владимиру Ильичу не хотелось этого. Так хорош был день! Еще постояли немного. Потом вернулись в здание. По телефону сообщили, что машина выехала. Все снова вышли на улицу. К подъезду подъезжала машина, мы узнали ее по гудку. Ленин сел с шофером.

Через два дня, 30 августа, был вечер участников съезда. Ждали приезда Надежды Константиновны, но она все не ехала. Росло нетерпение среди делегатов, волновались артисты: почему же откладывается начало концерта? Звонили в Кремль, но ответа не было. Беспокойство вползало в душу. Наконец раздался звонок. Вера Михайловна Бонч-Бруевич сказала: «Владимир Ильич ранен. Никому не говорите об этом. Концерт должен состояться». Концерт состоялся.

***

Однажды Анна Ильинична предложила мне пойти на концерт. «Пойдемте, и Ленины будут!» — сказала она, имея в виду Владимира Ильича и Надежду Константиновну.

Концерт происходил в Доме союзов. Владимир Ильич был очень утомлен и до конца концерта не досидел.

— Надюша, пойдем! — сказал он.

Гардероб был здесь же, за круглым залом, примыкавшим к Колонному. Старый швейцар дремал, сидя на стуле. Услышав шаги, он поднял голову, узнал Владимира Ильича и поспешил к вешалке.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, я сам, сам оденусь, — сказал Владимир Ильич и быстро двинулся вперед. Но швейцар уже подавал пальто.

Владимир Ильич надел его и, обернувшись, протянул швейцару руку. Тот отшатнулся:

— Что вы, Владимир Ильич, при советской власти на чай не берут.

Владимир Ильич улыбнулся:

— Простите, я хотел только пожать вам руку.

Швейцар смутился и крепко пожал руку Ленину.

Мы сошли вниз. В Охотном ряду, против подъезда Дома союзов, стояли ярко размалеванные футуристами палатки.

— Красиво?—спросил Владимир Ильич.

— Нет, — ответил я.

— А вот некоторые говорят «красиво». Что с ними поделаешь? А поделать надо!..

***

Как-то вечером мы сидели с Надеждой Константиновной. Чай пили тогда в кухне. На столе стоял самовар. Она принесла кусочек пиленого сахара, расколола на четыре части, завернула одну из них в бумажку и спрятала в шкаф. «Кто-то придет. Чай будем пить втроем»,— подумал я. И действительно, вскоре пришел Владимир Ильич. Разговор продолжался. Речь шла о Чернышевском.

— Около двадцати лет был на каторге и в ссылке,— сказал Владимир Ильич.— А почему не бежал? Другие бежали, а он нет. Как вы это объясняете?

Этот вопрос не приходил мне в голову. Я так и сказал Владимиру Ильичу.

— А что пишут? — спросил он.

Я начал рассказывать о статьях, в которых утверждалось, что Чернышевский и не думал бежать: таков, дескать, был характер его убеждений.

— Кто это пишет? — спросил Владимир Ильич.

Я назвал авторов.

— А зачем вы читаете? Это же сменовеховцы, ренегаты!

Мне не раз еще приходилось разговаривать с Лениным о Чернышевском. Надежда Константиновна рассказывала о том, как относился к нему Владимир Ильич, как они читали вместе «Что делать?» и как Владимир Ильич умел вычитывать в романе то, на что другие не обращали внимания. Мне очень хотелось узнать, что же он «вычитывал», но Надежда Константиновна этого не помнила.

И вот как-то Владимир Ильич меня спросил, помню ли я «даму в трауре»? Я не раз до этого читал «Что делать?», но о «даме в трауре» помнил плохо.

— Как так? — удивился Владимир Ильич, и прочел стихи:

А юноша-воин
На битву идет,
Ружье заряжает джигит...

— Это она поет. Она зовет Веру Павловну. Кирсановых в подполье. В этом же весь смысл. Вера Павловна после многолетних исканий приходит к выводу, что выход в революции. А вы не помните!..

Когда Владимир Ильич ушел, Надежда Константиновна сказала, что это и есть одна из тех мыслей, которые «вычитал» из «Что делать?» Ленин.

***

На заседании шла речь о пропаганде плана ГОЭЛРО. Народу было немного. Каждый говорил о том, что сделано. Владимир Ильич посылал записки и требовал ответа на них немедля. Потом он сделал выводы. Насколько я помню, они были сформулированы так:

— Говорите, что план ГОЭЛРО — вторая программа партии? Это верно. Но как провести ее в жизнь? Вот в чем теперь вопрос. Тут одного разъяснения мало. Тут надо поднять массы на борьбу за его реализацию, надо заразить их желанием строить. Для крестьян районные электростанции дело темное. Их пользу крестьянин сразу не поймет. А если ему сказать: «Дай столько-то трудодней, столько-то подвод для вывоза камня, леса, столько-то штук кирпича — и у тебя хлеб будет обмолачивать машина, в избе будет гореть лампочка...». Тогда он подумает, взвесит, поторгуется и согласится. Расчет такой надо сделать и его довести до масс. Тогда и план ГОЭЛРО ему станет понятным.

Заседание кончилось. Поручения даны. Все разошлись. А Владимир Ильич продолжал сидеть за столом; сидели и мы: Надежда Константиновна, Луначарский, я.

— А что, Надюша, — сказал Владимир Ильич,— если б кому-нибудь поручить роман написать? — И в сторону Луначарского: — Это по вашей части.

— Роман? — сомнение, недоумение прозвучали в голосе Луначарского. Он снял пенсне и стал рассматривать стекла своими близорукими глазами.

— А почему бы нет? Ваш Богданов написал же «Инженер Мэнни»? Плохой роман; необоснованная фантастика! А если по-научному подойти к вопросу? Теперь у нас есть план ГОЭЛРО, научно обоснованный план. Что надо еще? Чтобы автор людей знал по-настоящему, талантливым был бы писателем. Почему же нельзя? Писателей таких нет? Поискать надо, а вы их не искали. У меня на примете есть такой человек. План ГОЭЛРО знает, людей тоже, инженер к тому же. В молодости стихи даже писал. Занят очень. А поговорить с ним стоит. С Алексеем Максимовичем, может быть, посоветоваться? Это по вашей части, Анатолий Васильевич. Как думаете, может выйти?

...С той поры прошло много лет. Великая мечта Ильича об электрификации страны давно уже воплощена в жизнь, а вот романа, о котором он говорил, писатели наши так и не написали.

В. ШУЛЬГИН.

С думами о мире

МИНСК. **(Наш корр.).** Многолюдно было в этот день в клубе Союза писателей Белоруссии. Литераторы Минска пришли сюда, чтобы высказать свои думы о мире и подписать Обращение Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны.

Собрание открыл Т. Хадкевич.

— Миролюбивые народы, — сказал он,— полны сил и решимости добиться запрещения атомного оружия. Могучей поддержкой делу мира является мудрая внешняя политика нашего государства.

— На руинах и пожарищах прошлой войны возродил белорусский народ свои города и села,—сказал в своем выступлении А. Кучар. — Империалисты снова грозят нам — на сей раз атомной войной. Но, ставя свою подпись под Обращением, мы уверены, что заставим отступить ненавистников мира.

После выступления Ф. Пестрака, Я. Мавра, Н. Ткачева и других писатели белорусской столицы поставили свои подписи под текстом Обращения.

МАСТЕРСТВО КРИТИКА

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Так уж повелось, что мы обычно помалкиваем о достоинствах хороших критических работ, хотя сила положительного примера и здесь не утрачивает своего значения. Наше внимание привлекли статьи В. Ермилова об А. Макаренко, Ю. Крымове и А. Малышкине, напечатанные в журнале «Знамя» в минувшем году (№№ 8, 11, 12). Написаны эти статьи с подлинным размахом и мастерством, и об этом следует сказать не обинуясь.

Глубокое теоретическое уяснение сущности разбираемых произведений сочетается в этих работах с умением ярко и лаконично воссоздать эту сущность, для того чтобы анализ был наглядным, а не абстрактно схоластическим, чтобы он был занимательным (мы не боимся этого слова) для широких масс читателей. А ведь как часто в критических статьях еще встречается наукообразное теоретизирование, мало связанное с конкретным литературным материалом, либо пересказ, наводящий уныние своей бесцельностью.

В. Ермилов так воссоздает наиболее важное в литературном произведении, что возникает желание перечесть его. И это объясняется, на наш взгляд, прежде всего тем, что идейный анализ произведения углубляет наши знания о героях, обращает внимание на смысл их поступков и освещает не замеченные прежде нами их особенности. Вот почему статьи, о которых мы здесь говорим, развивают у читателя культуру понимания литературных произведений и будут полезны для писателей, особенно молодых, ибо помогут им учиться на опыте крупных советских мастеров.

Для В. Ермилова-критика характерна прежде всего широта общественно-исторического обобщения. Он обращается к событиям действительности, пользуется интересным историческим и литературным материалом. Полнота его анализа определяется умением показать каждое явление в его взаимосвязях, найти его место в процессе развития жизни и литературы. Поэтому-то автор так остро видит новое и так глубоко раскрывает его в героях литературных произведений. С подлинной политической страстью и художественной силой освещена в статье о «Педагогической поэме» и «Флагах на башнях» проблема воспитания нового человека. Говоря о творчестве А. Макаренко, критик разбирает важнейшие проблемы — счастья, борьбы, подлинной красоты. И это также очень характерно для творческой манеры В. Ермилова.

Автора можно, пожалуй, упрекнуть лишь в одном: отмечая своеобразие произведений А. Макаренко, он мало останавливается на своеобразии их литературной формы. И потому кажется, что статья не закончена. Этот же недостаток присущ и работе о творчестве А. Малышкина, хотя, если судить по статье о повестях Ю. Крымова, критик умеет тонко анализировать форму. Он воссоздает здесь образ «странного» Басова — такого романтичного и вместе с тем «будничного», тонко подмечает, в чем образ этого человека перекликается с чеховским Дымовым. Шаг за шагом критик разбирает особенности построения драматического конфликта, раскрывающего трудный путь героя, историю его любви. И постепенно перед читателем вырастает главное в произведении — творческое отношение героя к жизни, образ подлинного новатора.

Стиль критических статей В. Ермилова отличается той хорошей непринужденностью изложения, при которой кажется, что автор как бы беседует с читателем, делится с ним своими размышлениями, хотя при этом видно, что эти размышления — плод серьезного изучения материала. И жаль, когда иной раз пафос восторга перед художественным произведением, тот присущий В. Ермилову пафос, который обычно так заражает читателя, теряет свою убедительность, приобретает несколько риторический оттенок.

Яркие работы В. Ермилова о таких любимых народом, но мало изученных советских писателях, как А. Макаренко, Ю. Крымов и А. Малышкин, запомнятся, не раз будут перечитаны.

В. КОЛОДЯЖНАЯ

Молодые авторы стройки

После конца рабочего дня в помещении редакции многотиражной газеты строителей Куйбышевской ГЭС «Гидростроитель» собрались, как и две недели тому назад, члены литературной группы — монтажники, инженеры, служащие, журналисты.

Юноша в ватнике, достав из кожаной сумки связиста тетрадку, неуверенным голосом читает стихотворение «Монтер»:

За плечами болтаются «когти»,
Тихо цепь поясная звенит,
Сбоку сумка, прижатая локтем...

Линейный надсмотрщик Аркадий Кожевников впервые в жизни взялся за перо, чтобы воспеть знакомый ему, такой незаметный на первый взгляд, но важный труд связиста. На линии повреждение, «целый город без связи сидит», поэтому-то напряженно скользит по проводам взгляд лирического героя. Но вот повреждение найдено, опытная рука устранила «схлест» проводов, и «по цепи потекла незаметной рекой лишь монтеру известная жизнь».

Старший десятник шлюзового района Федор Полеткин, чьи стихи печатаются не только в «Гидростроителе», но и на страницах областных газет, взяв у новичка тетрадку, подробно, доказательно разбирает слабые места стихотворения, отмечает также знание автором материала, удачную концовку стиха, образно показывающую поэзию труда монтера. Такое же мнение высказывают и другие члены литгруппы. Заместитель редактора «Гидростроителя» Николай Васильев, ведущий занятие, кладет одобренные стихи в папку с надписью: «В работу! Для литстраницы».

После читки и обсуждения в эту папку попадают стихи и басня Ф. Полеткина, рассказ работника «Гидростроителя» И. Венникова «На полустанке», стихи сотрудника ставропольской районной газеты Евг. Шевченко «На земснаряде», отрывок «В разведке» из повести о военных годах, над которой работает инженер отдела главного механика А. Красногрудский.

Время уже позднее, завтра на стройке рабочий день, многим добираться до дома на попутных машинах, но расходиться никто не хочет. И впервые присутствующий на занятиях А. Кожевников и «старожилы» литгруппы, собирающиеся при редакции не первый год, жаждут обмена мнениями, профессионального разбора их творчества, деловой помощи в своей литературной работе.

У литгруппы Куйбышевгидростроя имеются некоторые достижения. Стройка успела узнать из многотиражки и радиогазет творчество своих поэтов и прозаиков. Литкружки работают при клубе Шлюзового поселка, на правом берегу Волги. Лучшие произведения начинающих авторов-гидростроителей отобраны для литературного сборника, который выйдет в этом году. Новые стихи, песни, очерки, рассказы должен дать конкурс на лучшее художественное произведение о строительстве ГЭС, объявленный объединенным постройкомом Куйбышевгидростроя и оргбюро литературной группы.

Насколько больше были бы эти успехи, если б в занятиях принимали участие куйбышевские литераторы. Увы, хотя до стройки теперь можно доехать комфортабельным автобусом по новой автомагистрали всего за три часа, редко кто из писателей города Куйбышева бывает здесь, решительно никто не интересуется работой литгруппы, которая вынуждена, как говорится, «вариться в собственном соку». На последнее занятие не пришел специально приглашенный и обещавший непременно прийти прозаик Николай Коляструк, живущий недалеко от редакции, в Комсомольском.

1955 год — год пуска первых агрегатов ГЭС. За пять лет на стройке выросли отличные кадры гидростроителей. Их героический, самоотверженный труд на благо Родины должен быть показан, воспет. В этом вполне могут принять участие начинающие авторы стройки, нужно только помочь им.

К. ЛАПИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Куйбышевгидрострой

На Большую землю

Л. НАЗАРОВА

В 1934 году в журнале «Колхозник» был опубликован рассказ «Черный орел» начинающей писательницы Надежды Чертовой. Редактором журнала был Максим Горький. Характер героини рассказа — простой русской женщины, песенницы и сказительницы — заинтересовал великого писателя. На полях рукописи он написал: «Довести Авдотью Нужду до Октябрьской Революции, чтобы она пропела отходную старому миру».

С тех пор прошло 20 лет. За эти годы Н. Чертова не только довела, по совету М. Горького, свою героиню до Октябрьской революции, но и показала ее непосредственное участие в ломке вековых устоев жизни родной деревни Утевки, затерянной в бескрайних степных просторах.

В разное время, начиная с 1936 года, в московских журналах и издательствах выходили из печати романы и повести Надежды Чертовой: «Черный орел», «Дружина» и «Разрыв-трава», ставшие впоследствии частями романа «Большая земля», задуманного, как широкое художественное полотно, охватывающее период от кануна первой мировой войны до 1943 года.

Название «Большая земля» символично. Путь социалистического преобразования деревни — это одновременно путь на Большую землю, в большую жизнь крестьян деревни Утевки, связанных с главной героиней романа Авдотьей Логуновой родственными и дружескими отношениями.

Неоднородна крестьянская масса, действующая в романе, и поэтому резко отличны дороги, которые проходят герои, прежде чем утвердиться в новой жизни.

Первая мировая война и связанная с нею мобилизация разбудили Утевку. Со сцены проводов новобранцев, мастерски написанной Чертовой, как бы зачинаются характеры основных персонажей романа.

Несколько слов, оброненных будущим красным дружинником Кузьмой Бахаревым: «...за него за одного (за царя. — **Л. Н.**) сколь христианских душ ляжет...», говорят о том, что Бахарев возмущен кровопролитной бойней, не нужной и не понятной таким простым, трудящимся людям, как он и большинство его односельчан. Голос из толпы грубо обрывает Кузьму, и он растерянно замолкает, ибо сказанная им фраза непривычно смела для него. Ему вообще еще неведомы пути борьбы за ту правду, которую он инстинктивно почувствовал.

В первых частях романа происходят становление и рост героев. Ничто здесь не дано заранее. Люди поступают в соответствии с обстоятельствами, и эти же обстоятельства ведут к изменению их характеров. Даже такой факт, как рождение в Авдотье поэтического таланта, не случаен, он убедительно мотивирован писательницей. Его вызывает к жизни большое горе — внезапная смерть мужа. Песня, идущая из глубин ее сердца, складывается как бы сама собой. И сила этой песни такова, что даже «баба Семихватиха» (какая точная характеристика соседки-стяжательницы!), олицетворяющая в романе не только враждебное, а — если позволено будет сказать — прозаическое начало жизни, услышав причит Авдотьи, не смогла уйти со двора, а так и «сидела на колоде, как прикованная, уже не смея вставить ни слова».

Убедительно и правдиво показано и то, как складываются взаимоотношения Авдотьи с ее сыном Николаем. Задавленная вечной борьбой за кусок хлеба, Авдотья словно стыдится быть нежной матерью. Нежность к сыну безотчетно представляется ей чем-то вроде «баловства». Но зато как много подтекста в такой, например, сцене, раскрывающей всю глубину суровой любви Авдотьи. «Однажды он (Николай. — **Л. Н.**) притворился спящим, а сам тихонько посматривал на мать. Авдотья, склонясь у лампешки, чинила дедову рубаху. От плохого света ее худое лицо было все в темных провалах, сухая и тусклая прядь волос лежала на лбу. Она отложила рубаху, выпрямилась и вдруг остановила на Николке горестные глаза. На цыпочках она подошла к постели и провела ладонью по коротким вихрам сына. Николка перестал дышать, облился горячим потом...». Так много истинного чувства вкладывает Авдотья в этот привычный для всех матерей жест, что Николка, который до этого рос, «как трава в поле», понял, как много значит он для своей матери. С тех пор между матерью и сыном устанавливаются согласные отношения взрослых людей, объединенных общей целью: выбиться из нужды. Но и этим мечтам Авдотьи не дано было осуществиться. Не успел Николай вырасти, стать помощником в семье, как его мобилизуют и отправляют на фронт. Его отрывает от дома тупая внешняя сила, которую Н. Чертова характеризует яркой и образной фразой: «Стражник и мерин, оба ленивые и бесстрастные, должны были доставить новобранцев в город». И тут впервые проявляется возмущение Авдотьи тем порядком, который не дает возможности бедняку выбиться из нужды. Возмущение это прорывается в разговоре с той же Семихватихой, которая негодует, что Авдотья — «купленная мастерица» — отказывается причитать по ее заказу. Оскорбленная в своем человеческом достоинстве, Авдотья резко отвечает, что хотя она мастерица и «купленная, да не проданная».

Поставив своей задачей — показать различные пути людей к новой жизни, Н. Чертова наибольшее внимание уделяет сыну Авдотьи — Николаю Логунову, человеку с неровным, неустойчивым характером, самолюбивой и мятущейся душой.

Сын самой бедной крестьянки в деревне, Николай с детства лелеял мечту о своем хозяйстве, о своей лошади, о том, чтобы хлеба со своей полоски хватило бы до нового урожая. Война, превратившая его в инвалида, ожесточила юношу, внушила ему отвращение ко всякой войне, как причине разорения. Поэтому, возвратившись с фронта, он сторонится созданной в Утевке красной дружины. Это настроение Николая Н. Чертова мотивирует еще и тем, что среди активных дружинников находится не только близкий и понятный Николаю с детства Кузьма Бахарев, но и пленный австриец Франц, ставший в отсутствие Николая мужем его невесты Натальи. (Кстати, как появление, так и исчезновение Франца со страниц романа никак художественно не мотивировано. Этот герой, видимо, введен Чертовой только для того, чтобы усилить состояние одиночества, переживаемое Николаем).

Для того, чтобы Николай понял, что ему по пути с такими, как Бахарев, и осознал, что одной силой своих рук ему не избавиться от нужды, — для этого потребовался толчок, потрясение.

Собственно, весь путь, пройденный Николаем от крестьянина-бедняка до председателя колхоза, можно разделить на резко отличные этапы, каждому из которых предшествует такой толчок.

В первом случае толчком послужила расправа белых карателей над Кузьмой Бахаревым и Натальей. Глубоко потрясенный, Николай становится во главе бедняцкой коммуны. Но достаточно было неурожайного года, приведшего к развалу коммуны, чтобы Николай опять морально вышел из строя, потерял веру не только в себя как в организатора, но и в дело коммуны.

Действие следующей части происходит через восемь лет. В стране начинается коллективизация, а бывший председатель коммуны Николай живет опять лишь мечтой о своем собственном хозяйстве. Автор как бы снимает проделанный героем путь развития и начинает все сначала.

Сталкивает Николая с мертвой точки только глубокое потрясение. Поджог кулаками колхозной конюшни и внезапная смерть коммуниста Степана Ремнева как бы пробуждают Николая от моральной спячки.

Сцены смерти Ремнева и его похорон написаны выразительно, через них Н. Чертова сумела показать напряженную борьбу нового со старым, но увод Ремнева со страниц романа в один из наиболее политически острых моментов кажется нам недостаточно оправданным. Автор словно бы рассматривает его, как служебный персонаж, необходимый лишь для подъема духа все того же Николая Логунова.

Автор, конечно, вправе использовать такой прием для того, чтобы мотивировать движение характера своего героя. Но бесспорно и то, что четырехкратное повторение этого приема лишает читателя веры в его естественность, лишает образ героя какого-то «зерна» характера, органично «прорастающего» под воздействием жизненных обстоятельств.

Кроме того, если мы проследим развитие сюжета романа, то не сможем не заметить, что в первых трех частях герои все время как бы находятся в состоянии борьбы, в процессе и в результате которой меняются их судьбы и характеры. Напротив, дни, прожитые действующими лицами романа на страницах последней части, почти не отличаются один от другого.

Видимо, показывая жизнь дореволюционной деревни, первого послереволюционного периода, периода коллективизации, Н. Чертова пользовалась либо большим личным опытом, либо хорошо изученными материалами. Там же, где Н. Чертова стремилась изобразить деревню во время Великой Отечественной войны, порою ощущается недостаточное претворение живого опыта.

Но, помимо этой основной причины, имеются и другие, связанные с вопросами художественного мастерства. Думается, здесь повинна и композиция романа. Автор заставляет своих героев молчать и бездействовать по десятку лет, а затем задним числом, почти конспективно, сообщает читателю о том, что происходило в это время с героями романа. Бесспорно, от автора большого романа нельзя требовать дневниковой скрупулезности и нерушимой временной последовательности. Он вправе обрывать повествование, возобновлять его через какой-то период. Но при этом необходимо соблюдение одного условия: каждая новая часть большого романа должна явиться не только описанием более позднего периода в жизни героя, а некоей ступенькой, подымаясь на которую, герой не только полнее раскрывается сам, но и помогает развитию авторского замысла. Вот этого необходимого подъема, возрастания или падения, логического развития характеров мы не видим в последней части романа. Тускнеет даже замечательный образ Авдотьи Логуновой. Женщина с сильным и самобытным характером здесь превращается в некую вещую утешительницу, к «живым мощам» которой буквально приходят «прикладываться» и Николай, и его жена Наталья, и человек «сломанной жизни», одинокий бобыль Дилиган, и задавленная мужниным произволом Дуня, и секретарь партийной организации Надежда Поветьева, удрученная собственническими наклонностями мужа.

В истории советской литературы есть примеры верности писателя своим любимым героям, с которыми он не расстается по многу лет, а порою и всю свою творческую жизнь. Книга Н. Чертовой также включает в себя написанные в разное время романы и повести, в которых действуют одни и те же герои.

Но несомненно интересные, сильные образы и картины, созданные Н. Чертовой в начале произведения, потускнели в конце из-за отсутствия естественного, вытекающего из логики развития характеров единства замысла «Большой земли», которая должна была стать самостоятельным новым романом-эпопеей, а не количественным накоплением старых книг. Неорганическое соединение в одно произведение книг, написанных в разное время и с разными задачами, помешало таланту писательницы проявиться в полную меру.

Н. Чертова. «Большая земля». «Советский писатель». 1954. 509 стр.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПИАНИСТКА В МОСКВЕ

Наш корреспондент посетил гостящую сейчас в Москве известную французскую пианистку и музыкального деятеля Франции Маргариту Лонг.

— Я глубоко тронута необычайно теплым приемом, который оказали мне советские любители музыки, — рассказала Маргарита Лонг.—Достаточно вспомнить мой концерт в Консерватории. Из-за плохого самочувствия я решила вначале отказаться от исполнения в зале Консерватории баллады французского композитора Форе, сыграла свое любимое произведение — фортепианный концерт Равеля. За всю свою жизнь я играла это произведение на концертах не менее 200 раз, и каждый раз мне приходилось исполнять финал «на бис». Так было и в этот раз. Но вместе с тем публика и даже музыканты оркестра стали так настойчиво просить меня исполнить и балладу Форе, что я не смогла отказать им. Я от всего сердца удовлетворила просьбу своих слушателей, сыграв им этот шедевр музыкального искусства. Я все время ощущала тесный контакт со своей аудиторией. После концерта мне преподнесли чудесные цветы. Публика так долго и горячо аплодировала, что у меня уже не стало сил выходить на вызовы. Я не могу передать, как меня обрадовало и взволновало глубокое и тонкое понимание музыки, которое я встретила в вашей стране.

В ответ на вопрос о том, каковы ее впечатления от пребывания в советской столице, Маргарита Лонг сказала:

— Гриппозное состояние не позволило мне осмотреть Москву так, как я бы этого хотела. По той же причине мне пришлось отложить намеченную мной поездку в Ленинград.

— Знаете ли, — говорит Маргарита Лонг, и при этом в необычайно живых и проницательных глазах артистки загорается лукавый огонек, — я очень довольна всем, что я видела здесь, но в то же время вы должны понять, что я испытываю сейчас двойственное чувство. Вы, может быть, знаете рассказ о двух товарищах, купивших вместе одну бутылку вина. Первый выпивает половину вина из бутылки и отдает остальное товарищу. Про себя он думает: «Как благородно я поступил! Ведь я отдал ему ровно половину...». А другой товарищ, получив бутылку из рук первого, думает: «Вот дьявол! Оставил мне только половину...». Так и я,— продолжает артистка с тем же мягким французским юмором, — я не успела увидеть здесь и половины того, что мне хотелось. Тем не менее Москва — замечательный город. Но особенно поразили меня ее обитатели, их исключительное радушие и приветливость. Московская музыкальная молодежь окружила меня трогательной заботой и вниманием.

— Вы спрашиваете, в чем, по моему мнению, состоит значение моего приезда в вашу страну? Я считаю, что моя поездка в Москву, как и выступления советских артистов в Париже, прежде всего служат укреплению дружеских и культурных связей между нашими народами. Я очень рада, что многие крупные советские музыканты и особенно представители талантливой советской музыкальной молодежи приезжали в Париж и имели во французских музыкальных кругах огромный успех. Мы хорошо встречали у себя советских артистов. В июне этого года в Париже вновь состоится конкурс молодых исполнителей. Я пригласила выдающихся советских музыкантов Ойстраха и Гилельса приехать в Париж для участия в жюри этого конкурса. Наши взаимные посещения друг друга служат прежде всего укреплению нашей дружбы. Существует большая общность между французскими и советскими музыкантами, и я радуюсь этому от всей души, радуюсь во имя музыки — музыки, облагораживающей и возвышающей душу человека.

— Передайте читателям «Литературной газеты», — сказала в заключение беседы Маргарита Лонг. — сердечный привет французской музыкантки, давней поклонницы русской музыки и большой ценительницы советского музыкального искусства. Я всегда считала, что самая музыкальная страна в мире — это Россия. У русских — врожденное музыкальное чувство, огромный артистический темперамент, глубокая человечность. Скажите вашим читателям, что я очень рада, что посетила вашу страну и никогда не забуду замечательного приема, оказанного мне здесь.

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

О дружбе и высокомерии

А. КУНДЗИЧ

В содокладе П. Г. Антокольского, М. О. Ауэзова и М. Ф. Рыльского на Втором съезде писателей о художественных переводах литератур народов СССР дано прекрасное, на первый взгляд, кажущееся только метафорой, но являющееся, по существу, теоретически точным и полным, определение переводческого искусства: **«Перевод есть акт самой высокой дружбы между писателями».**

Чтобы правдиво воспроизвести в переводе поэтический мир писателя, надо войти в этот мир, стать в нем своим человеком, которому доверяются все ключи. Здесь не может быть места ни высокомерному чувству собственного превосходства,— потому что тогда ты непременно начнешь по-своему хозяйничать в мире художника, — ни рабству,— потому что тогда ты станешь не другом писателя, а его писарем.

Кто-то, кажется, Гюго, с грустью сказал: что касается вина, то он пил воду. По этой фразеологической форме и с такой же грустью можно сказать о выступлении М. Никитина: что касается дружбы, то свою статью, недавно опубликованную в «Литературной газете», М. Никитин посвящает... тяжбам. Тяжбам переводчика с писателями Узбекистана, Армении и других республик, не позволяющими переводчику хозяйничать в их художественном мире. В основу статьи положен высокомерный постулат, по которому всякий переводчик с братских языков может (это для М. Никитина вне сомнений) и должен поучать писателя, которого он переводит, а в подтексте постоянным мотивом звучит—не только поучать, но и «дорабатывать и улучшать» его произведения. Да, статья М. Никитина звучит наперекор и вопреки тезису о дружбе писателей.

Уже заглавие статьи М. Никитина — «Точность художественного перевода» — звучит странно. Слова «точность перевода» имеют совершенно определенное значение: это девиз буквализма. В наше время слово «точность» употребляется только в контексте, который снимает с него оттенок буквалистского понятия, например, «точность в передаче смыслового содержания». «В целом ряде работ по теории перевода,— констатирует А. Федоров, автор книги «Введение в теорию перевода»,—усиленно подчеркивалась относительность понятия «точности». Понятие это было взято под сомнение. Даже слово «точность» в применении к художественному переводу стало все реже употребляться в нашей теоретической литературе».

При чтении статьи убеждаешься, что странность заглавия не случайна. «...Сотрудники редакций, — пишет М. Никитин, — полагая, что они отстаивают точность и верность перевода, на самом деле становятся... защитниками буквализма». Так что же отстаивают сотрудники — точность или верность? Это противоположные понятия: союзом и они не соединяются. Точность перевода, которой требуют буквалисты-редакторы и добиваются некоторые переводчики, это огромное зло всего переводческого дела.

Как же это сотрудники требуют одновременно точности и верности, как эти несовместимые требования выражаются в конкретной работе над рукописью?

На мой взгляд, статья М. Никитина не ставит вопросы, а вносит лишь путаницу и неразбериху. Необходимо с самого начала разграничить понятия и выяснить тему дискуссии. Многие ждут дельного и глубокого разговора. Вся практика переводческого дела, в частности у нас на Украине, говорит о том, что работы по созданию кадров настоящих переводчиков — непочатый край, что сущности буквализма до сих пор не поняли многие из тех, от кого зависит успех дела, что определение перевода, как творческой работы художника, существует само по себе, а на практике процветает формалистический буквализм.

М. Никитин подымает новый в истории переводческой мысли вопрос — вопрос о буквализме... писателей. Не переводчиков, а писателей, авторов произведений, подлежащих переводу.

Зачем понадобилось М. Никитину ставить на голову понятие буквализма? Объяснение находим в самой статье: если ты, писатель из той или иной республики, будешь мешать мне дорабатывать и улучшать тебя, то есть критически воспроизводить, то я назову тебя буквалистом.

Буквализм, по Никитину, есть не рабство переводчика, а сопротивление писателя вмешательству в его творческий мир.

Клинические случаи «буквализма», зарегистрированные М. Никитиным в республиканских организациях Союза писателей и подробно описанные им в его статье, представляют собой явление другого порядка, до сих пор буквализмом не называвшееся. Но в чем же, по М. Никитину, состоит этот буквализм?

Во-первых, в стремлении «канонизировать» печатный текст произведения, подлежащего переводу, то есть в утверждении, что печатный текст оригинала «не может подвергаться доработке и улучшению при переводе». В двух местах это запрещение сформулировано так обтекаемо («не может подвергаться», «не должны подвергаться»), что не сразу поймешь, кому и кто запрещает улучшать произведение. Только при ближайшем рассмотрении можно заметить, что мыслятся произведения и умерших писателей, в противном случае не нужно было бы делать специальную оговорку о живущих: «Странное это правило толковалось расширительно, то есть действие его распространялось даже на произведения ныне живущих и здравствующих авторов». Даже! Уж на что, мол, нелепо выглядит это странное правило в применении к умершим, так его еще и расширительно толкуют!

М. Никитин представляет дело так, что самому писателю не позволяют дорабатывать и улучшать свое произведение, но приведенная им цитата из статьи «буквалистов» М. Салье и Н. Владимировой «О некоторых проблемах художественного перевода» направлена непосредственно в адрес переводчика. Вот она, написанная, как говорит М. Никитин, черным по белому:

«...если произведение еще не опубликовано, подскажи автору то, что считаешь нужным, и подожди, пока изменения будут внесены в узбекский текст. Только после этого можно будет приступить к переводу. Если же подлинник уже напечатан, то переводить надо точно, не позволяя себе нарушать архитектонику или сюжетную ткань произведения...».

Почему нам предлагается понимать эту цитату в том смысле, что авторы статьи запрещают писателю совершенствовать свое произведение? Не говоря о том, что они обращаются к переводчику, трудно себе представить, чтобы двое литераторов, будучи, во всяком случае, взрослыми людьми, могли додуматься до такого запрещения. Ведь его и осуществить невозможно: писатель мог бы засесть за книгу и через некоторое время поставить всех перед фактом улучшения повести. Очевидно, мыслится случай, когда переводить приходится без участия автора, с **печатного текста.**

Читателю непонятно также, какое отношение имеет приведенная цитата к буквализму, к методу дословного канцелярского копирования. Наоборот, не позволяя нарушать только сюжет, авторы тем самым оставляют право перевыражения за переводчиком. Даже слово «точно», напоминающее буквалистский лексикон, здесь расшифровывается в конце фразы как требование сохранения архитектоники и сюжетной ткани произведения, — требование правильное, хоть напиши его синим по оранжевому.

Второй узбекский случай «буквализма» произошел с ташкентским переводчиком Ивашевым: он «бережно преподнес» крупные ошибки узбекского оригинала русскому читателю «во имя пресловутого буквализма». Этот случай приводится М. Никитиным как пример канонизации.

Нужно ли доказывать, что отношение к подлиннику как к канонизированному тексту не является буквализмом? В противном случае буквалистами надо было бы считать всех переводчиков классической, да и современной литературы, которые, даже не зная статьи М. Салье и Н. Владимировой, не позволяют себе нарушать архитектонику и сюжетную ткань переводимого произведения.

М. Никитин ни словом не обвиняет Ивашева в копировании текста, в дословно точном переводе. Нет, Ивашев верно воспроизвел самую сущность произведения, так как крупные ошибки могли заключаться не в каких-нибудь недочетах стиля, а в самом духе романа.

Таким образом, М. Никитин, сам того не желая, отмечает одно из высоких качеств перевода Ивашева. Тем более неожиданным является его вывод о буквализме Ивашева. Ивашев повинен не в буквализме, а в сознательной проповеди неверных идей переведенного им произведения.

Лишь в третьем случае — с армянским писателем — речь может идти о буквализме. Да и то неясно, что имел в виду писатель, требуя, чтобы его произведение было переведено пофразно точно. Говорится не дословно точно, а пофразно. Эту формулу можно понять как определение пределов, в которых переводчику предоставляется право перевыражения: в пределах фразы. Если это имелось в виду, то такой буквализм еще можно терпеть. Но, вероятно, переводчик требовал большей «свободы». Конфликт и разрыв между переводчиком и автором говорит о том, что в основе отношений между писателями лежала не дружба, а что-то другое.

В единственном определении М. Никитина, выделенном в статье жирным шрифтом, нас интересует уже не точность, а дух произведения:

«...точность переводчика не есть... точность равнодушного копииста, **а точность мастера, обязанного думать прежде всего о воспроизведении «духа создания», то есть воспроизведении национальной формы переводимой поэмы, повести и т. п.».**

«Дух создания», то есть национальная форма, — формулировка новейшая, но тем не менее вызывающая некоторое, я сказал бы, даже смущение.

Что такое «дух создания», или, сняв ненужные здесь кавычки, дух произведения? Дух произведения есть самая сущность произведения как живого, органического единства формы и содержания. По Белинскому, «правило для перевода художественных произведений одно, передать дух переводимого произведения». Для нас это правило осталось в силе.

Дух произведения, и по Пушкину, и по Белинскому, и вообще по-русски, в первичном значении слов,—то, чем оно живо в целом и в каждом фибре своем; то, без чего оно мертво; то, что является его внутренним содержанием, сущностью. Дух произведения — то, что выражено в нем и что может быть выражено на всяком другом языке. То есть текст произведения (на любом языке) является действительностью духа произведения, его сущности. Вот почему перевести — значит передать дух произведения.

По М. Никитину, оказывается, что дух произведения — его национальная форма. Но если это так, то что представляет собой тогда идейная сущность произведения? По М. Никитину, ей и места не остается в переводе.

Не мешайте мне дорабатывать ваши книги, ведь я писал в моей статье, что мое призвание указывать вам, поучать вас и улучшать,— вот чего хочет и требует М. Никитин.

Мне такая постановка вопроса кажется по меньшей мере невежливой. Невежливо идти в братскую республику с заранее анонсированным намерением поучать местных писателей: «работая бок о бок с автором, чье произведение он переводит, переводчик обязан указывать ему на ошибки, отступления от реализма». В этой картинно представленной сцене переводчик забыл, что он сидит бок о бок с писателем — соратником Упита или Ауэзова, Рыльского или Коласа, то есть в обществе тех, у которых сам он учится. Принять формулу М. Никитина о поучении писателей за общее правило значило бы узаконить отношения, не всегда оправданные знаниями и талантами.

Создание литературного произведения, окончательная доработка его не имеют отношения к вопросу о принципах перевода, к теории перевода. Буквалистски можно перевести и великое произведение искусства и слабенький рассказик начинающего. Но и то и другое можно воспроизвести и на высоком уровне переводческого творчества. Доработка произведения — всегда компетенция автора, независимо от того, сам ли он нашел лучший вариант, или ему подсказали его товарищи по перу, читатели, друзья **(а в их числе и переводчик).**

Выступавшие в дискуссии уже много говорили о безусловно важных вопросах— организации работы переводчиков, отношениях между писателями и переводчиками и т. д. Теперь необходимо шире обсудить проблемы соотношения практики перевода и науки о нем, поговорить о накопленном опыте, о секретах мастерства и поучительных неудачах.

УПРАВЛЕНИЕ ГРЯЗНЫХ ДЕЛ

«Только для АУД». Под этим шифром, означающим «только для глаз Аллена Уэлша Даллеса», на письменный стол начальника Центрального разведывательного управления США стекаются ежедневно шпионские донесения от американских агентов, разбросанных по всему земному шару.

Главным содержанием «работы» этого грязного учреждения является преступная подрывная деятельность против Советского Союза, Китайской Народной Республики, стран народной демократии.

Шпионаж, диверсии, убийства из-за угла, провокационная пропаганда — такова практика американской разведки. На днях всему миру стало известно о новом злодеянии американо-чанкайшистских агентов против Китайской Народной Республики. Катастрофа индийского самолета «Констеллейшн», на борту которого находились сотрудники китайской делегации и группа китайских и иностранных журналистов, направлявшиеся в Бандунг, как указывается в заявлении Министерства иностранных дел КНР, — является несомненным результатом диверсионного акта американской разведки.

В связи с ратификацией парижских соглашений активизировали свою подрывную работу против Германской Демократической Республики и ее соседей шпионские и диверсионные центры США в Западном Берлине. В последнее время органы государственной безопасности ГДР обезвредили большое число таких центров и арестовали 521 агента империалистических разведок.

Один из рупоров американской пропаганды — журнал «Сатердей ивнинг пост» опубликовал в конце прошлого года статьи двух американских журналистов — Ричарда и Гледис Харкнесс, посвященные «оправданию» и прославлению деятельности разведки США. Статьи, носящие громкое название «Таинственная деятельность Центрального разведывательного управления», разумеется, не раскрывают тайн этого шпионско-диверсионного центра. Тем не менее в них содержится немало интересных признаний относительно злодейских и коварных приемов американской разведки. Ниже мы публикуем выдержки из статей Ричарда и Гледис Харкнесс.

...Штаб-квартира Центрального разведывательного управления США помещается не в одном из тех привлекательных зданий в новогреческом стиле, которые тянутся вдоль вашингтонской Конституции авеню от Белого дома до Капитолийского холма. Она расположена в таком месте, которое Голливуд мог бы выбрать для съемки кинобоевика о шпионах. Главная канцелярия, здание из красного кирпича, находится в конце квартала Фогги Боттом. К западу от пивоваренного завода возвышаются башенки мнимого замка на берегу Потомака. На соседнем скатинг-ринге играет джазовая музыка. Вид на восток загорожен множеством ветхих пристроек государственного департамента, а к северу закопченная труба заброшенного газового завода бросает таинственные тени на окружающие трущобы.

Главное здание ЦРУ до недавнего времени скрывалось под вывеской издательского отдела государственного департамента. Даллес обнаружил, что в вашингтонском телефонном справочнике значится: «Центральное разведывательное управление, 2430 Е. Ст., Экзекьютив 3-6115». Он узнал, что гиды, проводящие экскурсии по Вашингтону, останавливают свои автобусы, говоря туристам: «Вот здание, где работают шпионы». Даллес приказал прибить скромную вывеску: «Центральное информационное управление».

ЦРУ занимает свыше тридцати зданий в столице, содержит 25 отделений по всей стране, работающих 24 часа в сутки, и **финансирует бесчисленное количество разбросанных по всему миру секретных отделений, которые занимаются тем, что выпрашивают, покупают и воруют информацию о военном потенциале красных.**

ЦРУ насчитывает что-то около 8—12 тысяч секретных сотрудников, мужчин и женщин, чьи обязанности, заработная плата и даже фамилии никогда не появляются в публикуемых правительственных платежных ведомостях. Даллес отказался сообщить подробности относительно личного состава управления и его бюджета, но если ЦРУ имеет 10 тысяч сотрудников, то это в полтора раза больше общего числа служащих государственного департамента.

ЦРУ не признает публично, так как оно не может этого сделать, что его сотрудники и финансы используются в делах, которые широко известны под названием убийств из-за угла...

Миллионы долларов для финансирования «черной деятельности» маскируются под видом обычных ассигнований различным министерствам, соответственно законопроектам, присылаемым на утверждение в конгресс Бюджетным бюро. Не более чем 10 или 12 членов конгресса точно знают, что они утверждают фонды ЦРУ, когда голосуют...

Управление постоянно ищет хорошо подготовленных и знающих людей, которые согласились бы сделать разведывательную деятельность своей профессией на всю жизнь. **Оно также вербует людей, которые проявили себя и стали известными в таких областях, как литература, наука, деловая активность, профсоюзное движение, сельское хозяйство, и которые могут использовать свою специальность в качестве маскировки при выполнении того или иного задания.**

Штат своих постоянных оперативных работников ЦРУ набирает из многих наших колледжей и университетов... Бывшие офицеры разведки (отдел «Джи-2») и Управления стратегической службы во время войны, в настоящее время являющиеся преподавателями в 80 с лишним высших учебных заведениях США, смотрят на студентов младших курсов, как на потенциальный людской материал для ЦРУ...

Среди предметов, которым обучают в специальных школах ЦРУ, насчитывается до шестидесяти иностранных языков. **Большинство учащихся должно — это является первым и основным требованием к разведчику—изучать русский язык.** Студенты в течение многих часов сидят в специальных кабинах, слушая записанные на пластинки уроки. Через шесть-восемь недель таких напряженных занятий эти студенты уже в состоянии читать такие советские издания, как «Правда» или «Известия». К другим занятиям относится обучение быстро читать и составлять донесения.

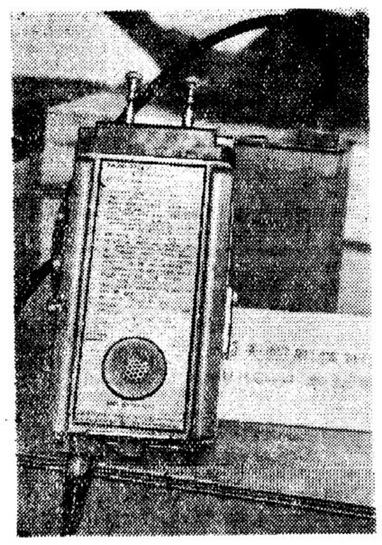
...Вторым шагом в обучении агента ЦРУ является подготовка новичка для исследовательской, то есть для «белой» работы. В этом случае новичок может быть определен на специальные курсы экономики иностранных государств, в аспирантуру по международному праву или же для получения научной подготовки, которая позволила бы ему реферировать русские технические журналы или же писать специальные работы по отдельным географическим районам мира.

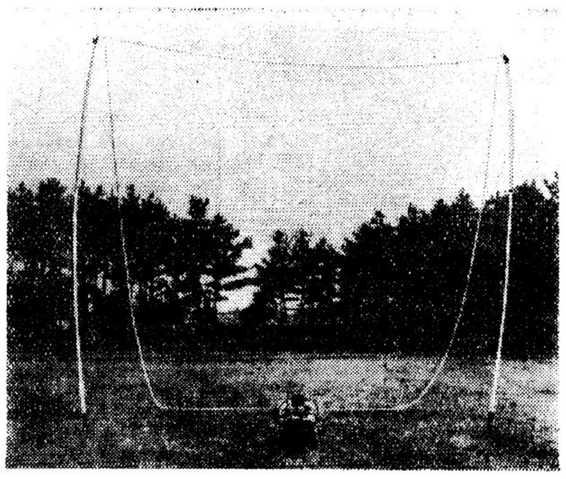
Чтобы сделаться агентом разведывательной организации, каждый мужчина или женщина должен фактически стать совершенно другим человеком. Оперативных работников, тренируемых для назначения в страну X, например, снабжают **вымышленными биографиями.** Они получают новое имя, новое место рождения и образования — все в стране X — и новых родственников (с их фотографиями). Проходящие курс обучения должны знать наизусть свои биографии, вплоть до мельчайших подробностей, и безошибочно повторять их, даже будучи внезапно разбужены ночью...

Рис. Бор. Ефимова

При подготовке для нелегальной работы простой вопрос, как одеться, является для агента вопросом жизни или смерти. Можно подписать самому себе смертный приговор, если, представляя европейца, будешь носить американские красные носки. Пуговицы на американском мужском костюме обычно пришиты параллельными стежками, в то время как европейские портные пришивают их крест на крест. ЦРУ обучает своих агентов всевозможным мелочам повседневной жизни: как отправить письмо в Софии, как проехать в обычном поезде в Восточном Берлине или как заказать то пиво, какое любят рабочие в русской зоне Австрии. И поскольку любой агент может избежать обнаружения лишь в том случае, если его удостоверение личности покажется подлинным, **другой отраслью разведывательной работы ЦРУ является изготовление «удостоверений личностей»... то есть, прямо говоря, искусство подделывать паспорта, визы, рабочие пропуска или продовольственные карточки...**

Но для агента уметь свободно расхаживать за железным занавесом недостаточно. Ценность оперативного работника зависит от его способности передавать информацию в ближайшее «почтовое отделение» ЦРУ, а в конечном итоге в Центральное управление. **ЦРУ использует все приемы шпионского ремесла, включая микрофильмы, специальные чернила...**





В НОЯБРЕ прошлого года перед судом Китайской Народной Республики предстала очередная партия пойманных с поличным американских агентов, участников и руководителей двух шпионских групп, засланных в КНР в 1952 году.

— Какая профессия была у вас до ареста? — спросил главный судья обвиняемого Джона Томаса Дауни (он же Джек Доновен).

Дуани: — Я работал в Центральном разведывательном управлении США.

Главный судья: — Какую подготовку вы получили?

Дауни: — Я получил подготовку, необходимую для шпиона.

Автоматические пистолеты, секретные коды, симпатические чернила, яд, радиопередатчики, фальшивые документы—полный «джентльменский набор» шпиона и диверсанта был конфискован у Дауни, его коллеги Фекто и других американских шпионов. Под тяжестью неопровержимых доказательств все обвиняемые признали себя виновными и дали подробные показания относительно своей преступной деятельности.

Среди многочисленных «экспонатов», которые были отобраны у пойманных американских агентов и выставлены в Пекине для всеобщего обозрения,—карты Северо-Восточного Китая. На одной из них, масштабом 1 : 250.000, изображен уезд Аньту — место, где американские агенты Дауни и Фекто должны были поднять на свой самолет дожидавшегося их агента.

На снимке слева — комбинированный радиоприемник и радиопередатчик «URC-4», отобранный у американского шпиона.

На снимке в центре — местное население осматривает обломки самолета «В-29», на котором руководитель шпионской организации, именовавшейся «581-й авиабригадой снабжения и связи», полковник Джон Нокс Арнольд проник в воздушное пространство КНР. Самолет был сбит в провинции Ляонин 12 января 1953 года.

Снимок справа изображает «новейшее достижение» американской техники: специальное приспособление, с помощью которого можно, не приземляя самолета, принимать на борту шпионов. Приспособление состоит из 16 алюминиевых трубок, ввинчивающихся одна в другую и образующих 2 шеста высотой около 25 футов. Между перпендикулярно устанавливаемыми шестами натягиваются нейлоновая веревка и ремни, которые затягиваются вокруг пояса сидящего на земле человека. Самолет, снабженный специальным крюком, зацепляет веревку и поднимает таким образом шпиона на борт.

Международная почта

НЕВЕЖЕСТВО ИЛИ ЗЛОЙ УМЫСЕЛ?

Еще в прошлом году в СССР вступила в эксплуатацию и с тех пор бесперебойно действует первая в мире промышленная электростанция на атомной энергии. Эта «атомная электростанция» явилась новым ярким свидетельством как мирных намерений Советского Союза, так и высокого уровня нашей науки и техники.

Факт этот общеизвестен. О нем знает весь мир. Не мог он, естественно, пройти мимо внимания и такого претендующего на солидность издания, как норвежский технический журнал «Текникк». Между тем, в мартовском номере «Текникк» за 1955 год помещена заметка, которая вызывает недоумение: неужто журнал, к его великому конфузу, все еще не знает о существовании в Советском Союзе электростанции, работающей на атомной энергии, или же он только делает вид, что не знает?

Заметка озаглавлена: «Первая «гражданская» атомная установка». В ней говорится (так, словно советской электростанции на атомной энергии не существует!): «Ученые-атомщики Великобритании ведут лихорадочную борьбу за недели и месяцы, стремясь завоевать мировую гегемонию в создании атомной установки для промышленного использования...».

И дальше: «Если бы осенью и зимой стояла более благоприятная погода, то возможно, что уже в этом году удалось бы сдать в эксплуатацию первую электростанцию, работающую на атомной энергии. Однако, несмотря на возникшие из-за дурной погоды задержки, план работ перевыполняется, и можно предположить, что британцам будет принадлежать честь пустить в ход первую «гражданскую атомную установку» обычного промышленного и коммерческого типа».

Спрашивается, что это: дремучее невежество или злостный обман читателей?

ОН ЛЮБИЛ ЦВЕТОЧКИ...

Недавно в США было вскрыто завещание, оставленное умершим прошлой весной мультимиллионером Пьером Дюпоном— одним из династии «химических королей» Америки. Журнал «Тайм» публикует сообщение о его последней воле под символическим заголовком: «Цветник стоимостью в 60 миллионов долларов». Дело в том, что такую кругленькую сумму он завещал любой частной организации, которая возьмет на себя труд поддерживать его имение «Лонгвуд» в таком же состоянии, в каком оно находилось при жизни Дюпона.

Это имение славится роскошью и красотой, сказочными садами и причудливыми фонтанами. Одна из достопримечательностей «Лонгвуда» — самый большой в мире орган, состоящий из 11 тысяч труб. Тем, кого могут удивить колоссальные размеры инструмента, журнал объясняет: «Миссис Дюпон любила органную музыку, но была глуха».

Прочитав описание «Лонгвуда», любой нормальный человек мог бы заключить: поистине короли американского бизнеса научились жить по-королевски; своим пристрастием к роскоши, своими причудами они оставили позади французских Бурбонов.

Но совсем к иному выводу приходит автор статьи в журнале «Тайм». Он силится доказать, что Дюпоны, украшая свое поместье, заботились... о благе американского народа. Ведь «Лонгвуд» открыт для посетителей — вот аргумент, которым подтверждается этот неожиданный вывод.

Логика журнала явно рассчитана на простаков. За рекламой «Лонгвуда» и «добрых дел» Дюпонов проглядывает стремление скрыть их темные дела.

Имя Дюпонов тесно связано с кровавым бизнесом войны. «Торговцы смертью» — такую кличку дал народ этой династии «химических королей». Смертоносная продукция принадлежащих им заводов принесла гибель многим людям в различных частях земного шара. Военные заказы — источник баснословных барышей для Дюпонов. Известно, что они имеют отношение и к производству атомных и водородных бомб для новых войн.

Но о кровавых делах «химических королей» нельзя узнать из буржуазной печати. Крикливая и шумная, она в таких случаях изменяет самой себе и стыдливо хранит тайну. Зато много газетных и журнальных страниц посвящает воспеванию «добрых дел» Дюпонов.

ВОИНСТВУЮЩИЙ ПРОПОВЕДНИК

В Австралию зачастили в последнее время гости из Соединенных Штатов. Они прибывают под видом туристов, бизнесменов, миссионеров, якобы интересующихся экономическими возможностями и достопримечательностями страны. Но истинные цели этих путешественников далеко не всегда так невинны. На самом деле многие из них — специальные агенты, посланные сюда американскими властями для ведения пропаганды с тем, чтобы добиться более активного участия Австралии в авантюрах, затеваемых агрессивными кругами США на Дальнем Востоке.

Об одном из таких пропагандистов государственного департамента США, скрывающегося под личиной миссионера, рассказывает австралийская газета «Трибюн».

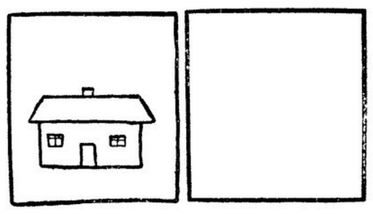
Выступления американского священнослужителя Дэвида Маккея мало походили на обычные проповеди и, как замечает газета, «не имели ничего общего с евангелием, провозглашающим: «Блаженны миротворцы».

Однажды преподобный Маккей, окончательно отбросив маску благочестия, начал убеждать слушателей в том, что «Соединенные Штаты должны защищать не только Формозу, но им следует вторгнуться на континентальную территорию Китая, нанеся удар в самое сердце красной республики». В тоне угроз и призывов к агрессии была выдержана и остальная часть пасторского «напутствия». Этот служитель (скорее Уоллстрита, нежели бога) заявил, в частности, что «генерал Макартур был совершенно прав, когда несколько лет назад предлагал распространить корейскую войну на территорию Маньчжурии».

Однако воинственные вопли с амвона не привели к результатам, которых хотелось достигнуть хозяевам Маккея. Вербовщику пушечного мяса недвусмысленно указали на дверь. «Христианская религия, как ее понимают жители Австралии, учит жить в мире с народами других стран, несмотря на различие социальных систем... — пишет австралийская газета «Трибюн». — Пусть этот «святой» убирается во-свояси!».

„АРХИТЕКТУРА" РАСИСТОВ

На этом рисунке, помещенном в южноафриканской газете «Нью эйдж», наглядно изображена сущность разработанного властями Южно-Африканского Союза «плана жилищного строительства» для негров — обитателей городских трущоб. Цель расистов — согнать всех негров в специальные поселки, которые полиции будет легче контролировать.



Дом — в старом стиле **Новый стиль...**

Насильственно выселяемым африканцам отводят участки и... ничего больше. Иными словами, у нищих и жестоко эксплуатируемых негров отнимают тот жалкий кров, который они до сих пор имели, и предоставляют им взамен пустое место.

БИРКИ СОВРЕМЕННЫХ ИРОДОВ

В свое время мировую печать облетело сообщение о том, что сеятели военного психоза в США решили снабдить американских детей опознавательными бирками на случай атомной войны. Теперь выясняется, что кое-где в Западной Европе этот «метод» нашел горячих поклонников и последователей.

Недавно бельгийская пресса писала, что бельгийским детям в возрасте до двенадцати лет будут выданы особые удостоверения личности, изготовленные из материала, который не разрушается при взрыве атомной бомбы. Для чего это делается? Инициаторы нововведения объясняют: подобные удостоверения облегчат подсчет погибших и установление их личности...

По словам немецкой газеты «Нейес Дейчланд», боннский правительственный бюллетень сообщил, что и в Западной Германии в ближайшем будущем все дети до двенадцати лет всегда будут носить при себе специальные жетоны. Это вводится для того, пишет бюллетень, чтобы детей «можно было бы каким-либо образом опознать» во время атомной войны.

Библейский царь Ирод был жалким кустарем по сравнению с современными детоубийцами, планирующими массовое истребление миллионов детей! Иностранные демократические газеты дают резонный совет: вместо того, чтобы снабжать миллионы детей бирками, лучше выдать дипломы атомных убийц тем немногим лицам, которые готовят новую войну...

Смесь

Огорчения вербовщиков. Западноберлинская газета «Нахтлепеше» бьет тревогу: «Бланку недостает 100 тысяч добровольцев. Молодежь федеральной республики настроена весьма скептически»... В папках «ведомства Бланка» лежат заявления от таких «добровольцев»: фельдфебель, 58 лет; майор, 63 года; капитан, 66 лет... Словом, налицо лишь бывшие гитлеровские вояки престарелого возраста. Они-то охотно готовы вновь напялить на себя мундир! А вот западногерманская молодежь, которую они собрались муштровать, как мы видим, не очень-то рвется вступить в вермахт. Есть от чего прийти в уныние боннским вербовщикам!

Почему не состоялась гастроль Лины Хорн. Известная американская певица Лина Хорн заключила контракт на концертные выступления в городе Майами. Как водится, артистка предварительно заказала номер в одной из гостиниц города. Однако когда Лина Хорн приехала в Майами, то ей даже не позволили переступить порог этой гостиницы. Директор попросту выгнал артистку вон, ибо она оказалась негритянкой... Оскорбленная певица порвала контракт и покинула Майами. Французская газета «Комба» пишет, что в ответ на вопросы корреспондентов Лина Хорн заявила: подобные инциденты для нее не новость...

Еще один пример того, как в современной Америке оплевывается человеческое достоинство граждан, только потому, что у них темная кожа.

Привычная реакция... Едва успел французский Совет республики проголосовать за парижские соглашения, как в Бонне развернулась лихорадочная деятельность. «Ведомство Бланка», выполняющее в Западной Германии функции военного министерства, откликнулось на ратификацию парижских соглашений вполне определенно: распорядилось тотчас же издать 2500 экземпляров генштабовских карт Франции и Бельгии. Они будут скопированы с карт, захваченных в свое время во Франции гитлеровцами.

Как замечает французская газета «Тер», «нет надобности кончать военное училище Сен-Сир, чтобы представить себе, для какой цели генералы по ту сторону Рейна предназначают эти карты»!..

НОВЫЕ КНИГИ ЗА РУБЕЖОМ

Роман против войны

E. M. Remarque «A Time to Live and a Time to Die», Hutchinson, Staford Place, London, 1954; «Zeit zu leben und Zeit zu sterben», Kiepenheuer u. Witsch. Köln und Berlin, 1954.
Э. М. Ремарк «Время жить и время умирать».

Перу известного немецкого писателя Эриха Мария Ремарка, живущего в эмиграции, принадлежит новый роман о второй мировой войне — «Время жить и время умирать», вышедший в переводе с немецкой рукописи в Англии и ряде других стран. В Западной Германии книга Ремарка, как уже писалось в «Литературной газете», была подвергнута значительным купюрам, поэтому, говоря о ней, мы будем иметь в виду не только западногерманское издание, но и полные публикации романа в других странах.

Резко отрицательное отношение к войне, фашистскому вермахту, гитлеризму делает роман «Время жить и время умирать» значительным явлением на фоне многих других книг о второй мировой войне, выходящих в Западной Германии, книг, проникнутых духом воинствующего милитаризма.

Германские милитаристы всегда весьма враждебно относились к Ремарку. Недаром фашиствующие литературные критики в свое время обвиняли Ремарка в том, что в романах «На Западном фронте без перемен» и «Возвращение» он не прославлял войну, как «животворное начало». Действительно, такого прославления в романах Ремарка не было. При всей ограниченности содержавшегося в них протеста, при том, что автор не умел разобраться в причинах, породивших империалистическую бойню, он, изобразив судьбу целого поколения, изуродованного ею, заставил людей задуматься над проблемой войны и мира.

Последующие романы Ремарка «Триумфальная арка» и «Люби твоего ближнего», написанные в эмиграции, свидетельствовали о резко отрицательном отношении писателя к фашизму. Вместе с тем эти книги показывали, что он не смог правильно оценить политическую жизнь Европы в годы, предшествовавшие второй мировой войне. Недаром самые дорогие писателю герои отказывались от участия в организованной политической борьбе, предпочитая всегда и во всем действовать индивидуалистически.

И вот перед нами новый роман Ремарка... Здесь он уже не ограничивается, как в предыдущих произведениях, изображением ужасов войны, с одной стороны, а с другой — «истинного фронтового товарищества», нивелирующего все социальные различия, как единственного положительного начала. В новой книге с первых же страниц показаны острые противоречия внутри солдатской массы — здесь нацист Штейнбреннер и коммунист Иммерман, здесь понявший низость гитлеризма Фрезенбург и солдат Хиршланд, которого травят за то, что у него «двадцать пять процентов еврейской крови», здесь и покорный служака, презираемый всеми фельдфебель Мюке. Их отношения ничего общего не имеют с беззаветной, немного даже сентиментальной дружбой солдат прежних произведений Ремарка. Дружба и доверие здесь существуют лишь между теми солдатами, которые по разным мотивам ощущают свою враждебность фашизму и враждебность фашизма к себе. А между ними и фанатичными нацистами, такими, как Штейнбреннер,—напряженная вражда.

Ремарк ставит в книге ряд политически важных вопросов: о преступлениях гитлеровской клики, об ответственности за развязывание разбойничьей войны, за массовое уничтожение мирных граждан, говорит о долге каждого простого человека думать о судьбах страны.

Герой книги, разжалованный унтер-офицер Эрнст Гребер, весной 1944 года получает отпуск с Восточного фронта и уезжает на родину. Он надеется отдохнуть от ужасов войны, хоть на время забыть расстрелы мирного населения, свидетелем которых он был, освободиться от постоянного присутствия доносчиков-гестаповцев, следивших за солдатами. Но и дома Гребер не находит желанного мира и покоя. Война пришла к немцам в дом. Пылают их города, разрушаемые с воздуха. Тщетно ищет Гребер свой дом. На месте дома—груда развалин.

Из всего того, что видит и переживает Гребер во время отпуска, складывается правдивая и зловещая картина конца фашистской «третьей империи». Ремарк воссоздает атмосферу террора и доносительства, созданную фашистами в стране, показывает, как наживались на войне и военных преступлениях гитлеровские заправилы, какие беды и страдания приносила она народу, как постепенно в людях, с которыми встречается его герой, рос страх перед возмездием, а в некоторых — и сознание бессмысленности и преступности войны, развязанной Гитлером.

В годы второй мировой войны Ремарк находился в США. Он не был свидетелем событий ни в Германии, ни на фронте. Но он верно воссоздал настроение, царившее в немецких войсках и в тылу.

С большой художественной силой показал Ремарк внутренний мир своего главного героя, эволюцию его сознания.

Гребер, который в начале войны не хотел задумываться ни над ее целями, ни над ее причинами, который закрывал глаза на преступления, успокаивал и оправдывал себя тем, что он лишь выполняет приказы, а все зверства — вина эсэсовцев, в ходе событий, как и многие другие, хотя, по собственным его словам, и «чертовски поздно», осознает преступность гитлеровской войны. Ему помогает разобраться в этом старый друг Фрезенбург. Он объясняет Греберу, что фашистский вермахт нарушил все человеческие законы, все международные договоры. Война проиграна. Немецкие солдаты воюют лишь для того, чтобы военные преступники, убийцы, политические обманщики и спекулянты продержались у власти лишний год.

Многое сделал для прозрения Гребера его старый школьный учитель Польман, выброшенный нацистами из школы и лишенный права преподавания. В разговоре с ним возникает главная тема книги о личной ответственности героя за преступления фашизма.

В Германии Гребер сталкивается с эсэсовцем Хайни, он потрясен циничными рассказами этого убийцы о зверствах, совершенных им и его друзьями в России, но еще не решается открыто проявить свое отношение к нему.

Много испытавший и понявший, Гребер возвращается на фронт. Когда Штейнбреннер пытается перед отступлением расстрелять группу русских крестьян, подозреваемых в том, что они партизаны, Гребер убивает его, вернее, казнит, как убийцу мирных людей. Сам Гребер гибнет от пули партизан. В финале звучит нота фатальной обреченности, столь характерной для предыдущих вещей писателя. Здесь, как и в некоторых других сценах романа, сказывается противоречивость мировоззрения Ремарка.

Но для нас важно отметить не столько то, чего еще не понял Ремарк, не столько то, чего он не сумел показать, сколько то, что он ясно осознал и талантливо изобразил в своем романе.

Ремарк осуждает преступные цели и методы ведения гитлеровской войны, правдиво рисует зверства фашистов, с сочувствием показывает мужественных русских крестьян.

С беспощадным презрением и гневом нарисованы Ремарком эсэсовец, палач и садист Хайни и фанатичная нацистка фрау Лизер, доносчица и шантажистка; с живым сочувствием — вконец запуганные событиями старики, друзья семьи Гребера, и несчастная мать Хиршланда, вечно дрожащая за жизнь сына; с истинным уважением — старик-священник, оказывающий помощь скрывающемуся антифашисту.

Осуждение гитлеровского вермахта есть вместе с тем и осуждение его сегодняшних трубадуров и реставраторов. Недаром сам Ремарк недавно заявил в интервью: «Неонацизм, выдвижение в Западной Германии на многие государственные посты бывших видных нацистских деятелей являются весьма тревожным симптомом».

Нельзя не отметить, что при всем трагизме многих глав и сцен этого романа, несмотря на гибель главного героя, в нем нет того черного пессимизма, той беспросветной безнадежности, которые были столь характерны для других книг Ремарка. В этом смысле важен образ возлюбленной Гребера — Элизабет Крузе, дочери человека, убитого фашистами. Ее ясный ум, ее жизнелюбие воплощают надежды на лучшее будущее Германии.

Нельзя не сказать о том, что в арсенале художественных средств Ремарка остались и элементы рисующегося своей грубостью натурализма. Но чувства, волнующие его героев,— любовь и ненависть, горе и отчаяние, вера и надежда,—глубоко и тонко переданы в романе.

Роман Ремарка, о котором мы рассказали, привлекает к себе большое внимание немецкой общественности, особенно в Западной Германии. Он отвечает настроениям широких слоев немецкого народа, не желающего возрождения вермахта и отдающего себе отчет в том, какими бедствиями грозит Германии новая война.

И. КАРИНЦЕВА

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И — 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-84-28, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.

Б01246.